

Сандра Браун Чужое сердце

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282025
Чужое сердце: Издательство «Э»; М.; 2015
ISBN 978-5-699-82173-0

Аннотация

Популярная телезвезда Кэт Делани перенесла операцию по пересадке сердца. Но вновь обретенная жизнь приносит новые опасности. Кто-то присылает Кэт газетные заметки с сообщениями о смерти троих человек, которым в тот же день, что и Кэт, была сделана пересадка сердца. И Кэт понимает, что следующей в этом смертельном списке будет она. Кто вырвет ее из грядущего кошмара? Возможно, обаятельный автор детективных романов Алекс Пирсон...

Книга также издавалась под названием «Шарада».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	61
Глава 16	67
Глава 17	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сандра Браун

Чужое сердце

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

10 октября 1990 года

– Кэт, проснись! У нас есть сердце!

Вынырнув из глубин медикаментозного сна, Кэт Делани устремилась к берегам сознания. Здесь она открыла глаза и попыталась сфокусировать зрение. Перед ней оказался Дин. Правда, его образ был размыт – в отличие от улыбки, широкой, яркой и отчетливой.

– У нас есть для тебя сердце, – повторил он.

– Что, правда? – спросила она слегка осипшим голосом. Ложась в больницу, Кэт точно знала, что у нее есть всего два способа выйти оттуда: либо с пересаженным сердцем, либо на катафалке.

– Да, и оно уже спешит к тебе.

Доктор Дин Спайсер повернулся, чтобы поговорить с коллегами, которые пришли вместе с ним в палату интенсивной терапии. Кэт слышала его голос, но почти не вникала в смысл слов.

Неужели она все еще спит? Нет, Дин ясно сказал, что донорское сердце уже спешит к ней. Новое сердце для нее! Новая жизнь!

Внезапно она ощутила небывалый прилив энергии, чего с ней не было уже много месяцев. Она села на больничной кровати и, выпрямив спину, принялась болтать с медсестрами и техническим персоналом. Те уже суежились вокруг, тыча в нее иглами и катетерами.

Медицинское нарушение тканей и вторжение в отверстия тела стало настолько рутинным делом, что Кэт давно перестала обращать на это внимание. За последние несколько месяцев из нее выкачали столько жидкости, что ею можно было бы наполнить олимпийских размеров бассейн. Она также сильно исхудала и выглядела едва ли не как скелет.

– Дин? Куда он ушел?

– Я здесь. – Кардиолог протиснулся к кровати и сжал ее руку. – Я же тебе говорил, что мы непременно найдем для тебя новое сердце!

– Какой ты, однако, самоуверенный. Вы, доктора, все одинаковы. Напыщенные индюки.

– Я оскорблен в лучших чувствах.

Эти слова принадлежали другому – в палату неторопливо вошел доктор Джеффрис, кардиохирург, который должен был выполнить операцию по пересадке сердца. Вернее, даже не вошел, а вплыл с таким видом, будто совершал ежевечернюю прогулку по воде. Вот кто в точности соответствовал определению Кэт. Талантлив, отличный профессионал – что ж, этого не отнять. И вместе с тем личность малопрятная.

– Что вы здесь делаете? – спросила она. – Мне казалось, ваше место сейчас в операционной, где вам полагается стерилизовать инструмент. Или я не права?

– Это такая двусмысленная шутка?

– Вероятно, вы гений. Как вы догадались?

– Вам вечно все не так. Кем вы себя возомнили, звездой телеэкрана?

– Именно.

Хирург с невозмутимым видом повернулся к старшей медицинской сестре.

– У пациентки есть высокая температура?

– Нет.

– Простуда? Вирусное заболевание? Инфекционное заболевание?

– В чем дело? – раздраженно спросила Кэт. – Вы передумали, что ли? Доктор, вы решили взять выходной? У вас появились другие планы?

– Просто хочу удостовериться, что с вами все в порядке.

– У меня все нормально. Принесите сердце, разрежьте меня и замените старое на новое. Можно даже без наркоза.

Джеффрис никак не отреагировал на ее колкости. Повернувшись к ней спиной, он нетопливо удалился.

– Самодовольный индюк, – пробормотала Кэт.

– Я бы на твоём месте не стал его обзывать, – усмехнулся Дин. – Сегодня вечером он тебе очень пригодится.

– Сколько мне ещё ждать?

– Недолго.

Кэт попыталась получить от Дина конкретный ответ, но так ничего и не добилась. Перед операцией ей был положен покой, но уровень адреналина зашкаливал. Она ворочалась в постели, не в силах уснуть, и не сводила глаз с часов. Время тянулось долго. Ей было одновременно и любопытно, и страшно.

Известие о предстоящей трансплантации уже облетело всю больницу. Пересадка органов не была чем-то из ряда вон выходящим, хотя и внушала священный ужас. В особенности пересадка сердца. В течение вечера в палату Кэт то и дело забежали доброжелатели.

Ее искупали в противном и липком йоде, отчего кожа приобрела отталкивающий золотушный оттенок. Кэт проглотила первую дозу циклоспорина – главного препарата, направленного против отторжения тканей пересаженного органа. Жидкость пришлось смешать с какао, чтобы хоть как-то перебить вкус препарата, напоминавший оливковое масло. Кэт все ещё ворчала по поводу невкусного лекарства, когда в палату, окрыленный долгожданным известием, ворвался Дин.

– Они уже на пути в клинику с твоим новым сердцем. Ты готова?

– А ты как думал? Что за дурацкий вопрос.

Дин наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Пойду готовиться к операции. Составлю компанию Джеффрису, буду заглядывать ему через плечо. – Дин на мгновение задумался. – Я буду с тобой на протяжении всей операции.

Кэт схватила его рукав.

– Когда я очнусь от наркоза, вы сразу скажете мне, что у меня новое сердце?

– Обязательно.

Она была наслышана историй о других пациентах, которым сообщили, что новое сердце имеется в наличии. Одного мужчину подготовили к операции и даже ввели ему наркоз. Но когда привезли сердце, доктор Джеффрис отказался его пересаживать, объяснив это тем, что сердце в недостаточно хорошем состоянии. Пациент так и не оправился от эмоционального шока, который усугубил его и без того критическое состояние.

Кэт с поразительной силой схватила Дина за рукав дорогого пиджака.

– Как только я отойду от наркоза, я в ту же секунду хочу знать, есть ли у меня новое сердце, хорошо?

Он накрыл ее руку своей и утвердительно кивнул.

– Даю тебе свое честное слово.

– Доктор Спайсер, пожалуйста, – позвала его медсестра.

– Увидимся в операционной, дорогая.

После его ухода события замелькали с невероятной быстротой. Кэт положили на каталку и повезли по коридору к двойным дверям операционной. Она испуганно вцепилась в поручни. Двери распахнулись. В глаза ей ударил ослепительный свет операционной, где уже деловито сновал персонал в хирургических масках.

Бросив взгляд вверх ламп, подвешенных над операционным столом, Кэт увидела лица, глядевшие сквозь стекло галереи для наблюдателей.

– Смотрю, тут у вас полный аншлаг. У всех есть билеты и программки? Кто они вообще такие? Эй, отзовитесь кто-нибудь! Или я тут одна говорю по-английски? Что вы там делаете?

Один из наблюдателей, в медицинском халате и маске, громко простонал.

– Где доктор Эшфорд?

– Уже иду, – отозвался вошедший анестезиолог.

– Слава богу, вы здесь. Вырубите же вы, наконец, эту балаболку, пора приступить к делу.

– Да, на язык она остра, настоящая заноза в заднице.

Кэт пропустила колкость мимо ушей, прекрасно зная, что ни у кого и в мыслях нет ее обидеть. Глаза поверх масок светились улыбкой. В операционной царил оптимизм, и Кэт это нравилось.

– Если вы всегда оскорбляете своих пациентов, неудивительно, что вы носите маски, чтобы скрыть свои лица. Трусы, вот кто вы такие.

Анестезиолог подошел к операционному столу.

– Я понимаю, что вы перевозбуждены и от вас много шума, мисс Делани.

– Это моя большая сцена. И я буду играть на ней как хочу.

– Вы будете просто бесподобны.

– Вы уже видели мое новое сердце?

– Я не вхожу в число избранных. Я просто даю наркоз. А теперь расслабьтесь. – Он взял Кэт за тыльную часть руки, готовясь ввести в вену иглу. – Вы почувствуете маленький укол.

– Подумаешь, нашли чем пугать!

Все рассмеялись.

Вошел доктор Джеффрис вместе с Дином и Шолденом, ее кардиологом. Дин перепоручил ему вести пациентку, так как сам из личных соображений отказался быть ее лечащим врачом.

– Как ваши дела? – спросил доктор Джеффрис.

– Ваш сценарий нужно слегка поменять, доктор, – презрительно бросила ему Кэт. – «Как ваши дела?» – это должна быть моя реплика.

– Мы обследовали сердце, – спокойно ответил врач.

У Кэт перехватило дыхание, но затем она нахмурилась.

– Мы в сериалах, если хотим создать напряженную атмосферу, используем многозначительные паузы. Дешевый трюк. Ну, расскажите же мне про сердце.

– Оно прекрасно, – ответил ей доктор Шолден. – Настоящий шедевр. На нем написано ваше имя.

Кэт краем глаза заметила, что группа операционных сестер возится возле кулера.

– Когда ты проснешься, оно уже будет биться у тебя в груди, – сказал Дин.

– Вы готовы? – спросил доктор Джеффрис.

Готова ли она?

Естественно, когда впервые была озвучена идея трансплантации, кое-какие опасения у нее были. Но теперь все они далеко позади.

После того как Дин впервые диагностировал у нее проблемы с сердцем, состояние ее стало ухудшаться едва ли не с каждым днем. Лекарства оказались лишь временным спасением. Кэт буквально валилась с ног, но, как сказал ей Дин, в ее случае любые лекарства бессильны. Она до последнего отказывалась поверить в серьезность своей болезни. И лишь почувствовав себя из рук вон плохо, когда мытье под душем превратилось в пытку, а принятие пищи стало настоящим испытанием, она поняла: тянуть дальше нельзя. Ее болезнь чревата летальным исходом.

– Мне требуется новое сердце.

Пока она не сделала это смелое заявление на телевидении, никто из коллег даже не догадывался о ее болезни. Актеры и съемочная группа мыльной оперы «Коридоры», с которыми она работала каждый день, вообще не замечали под слоем грима предательскую бледность.

Как и следовало ожидать, их первой реакцией стал шок. Все отказывались верить, что Кэт Делани, завоевавшая три награды «Эмми», их звезда, исполнительница роли Лоры Мэдисон в сериале «Коридоры», серьезно больна. Впрочем, благодаря поддержке коллег, актерскому мастерству и завидному упорству Кэт продолжала работать.

Увы, в конце концов, настал момент, когда, несмотря на свою целеустремленность, она больше не могла вписываться в напряженный график съемок и взяла отпуск.

Тем временем состояние ее здоровья продолжало ухудшаться. Она похудела настолько, что даже многочисленные поклонники не смогли бы ее узнать. Под глазами от недосыпания появились темные круги – несмотря на постоянную усталость, ее мучила бессонница. Пальцы и губы приобрели синюшный оттенок.

Таблоиды запестрели заголовками, сообщавшими, что Кэт Делани тяжело больна. Заболевания назывались самые разные – от краснухи до СПИДа. Обычно такая наглость со стороны СМИ возмущала ее. Увы, сейчас у нее не осталось сил даже на то, чтобы возмутиться. Она просто не обращала внимания на желтую прессу, поставив перед собой лишь одну задачу: выжить. Ее состояние стало настолько критическим, а депрессия настолько тяжелой, что однажды вечером она сказала Дину:

– Как же мне надоело быть слабой и беспомощной. Или это называется «конец первой серии»?

Дин редко удостаивал вниманием ее комментарии на тему смерти, даже шуточные, но в тот самый день он почувствовал: ей необходимо произнести вслух то, что ее тяготило.

– О чем ты думаешь?

– Я каждый день веду беседы со смертью, – тихо призналась Кэт. – Я с ней спорю. Каждое утро на рассвете я говорю ей: «Ну, пожалуйста, позволь мне прожить еще один день. Всего лишь один». Все, что я делаю, я как будто делаю в последний раз. В последний раз вижу дождь, ем ананас, слушаю песню «Битлз».

Кэт подняла на него глаза.

– Я помирилась с Богом. Я не боюсь умирать, но чтобы только это было не страшно и безболезненно. Когда меня не станет, как я это почувствую?

Дин не стал уходить от ответа на ее вопрос и честно признался:

– Твое сердце просто перестанет биться, Кэт.

– И никаких фанфар и барабанной дроби?

– Ничего. Это будет не так болезненно, как сердечный приступ. Никакого предварительного покалывания в руке. Твое сердце просто...

– Остановится.

– Да.

Этот разговор произошел у них всего несколько дней назад. Теперь же, по воле судьбы, ее будущее сменило вектор движения в сторону жизни.

Внезапно ей подумалось, что, прежде чем пересадить ей новое сердце, врачи должны будут вырезать старое. Эта мысль повергла ее в ужас. И хотя она в последние два года глубоко презирала свой неисправный «мотор», все же по-своему ей было его жаль. С одной стороны, Кэт не терпелось от него избавиться, с другой, ей казалось, что все испытывают просто неприличную радость при мысли о его удалении.

К тому же идти на попятную уже поздно. Да и сама пересадка относительно проста по сравнению с другими операциями на открытом сердце. Отсечь скальпелем. Убрать. Заменить. Наложить швы.

Пока она ждала свое новое сердце, команда трансплантологов была готова ответить на любые ее вопросы. А их у Кэт было немало. В результате этих долгих бесед ей удалось получить от них массу ценной информации, в придачу к той, что она уже знала раньше.

Ее группа поддержки состояла из других пациентов-сердечников, как и она, ожидавших операции. Во время их встреч они делилась своими страхами и переживаниями. Их мнения были ей интересны, так как давали пищу для размышлений. Проблема пересадки органов была многосторонней, полной противоречий. У каждого имелось свое мнение, основанное на эмоциях, религиозных убеждениях, моральных заповедях и юридических сложностях.

За месяцы ожидания Кэт преодолела все эти противоречия и была вполне довольна своим решением. Она прекрасно понимала возможные риски и была готова к ужасам, ожидавшим ее в палате реанимации. Таким, как, например, вероятность отторжения ее организмом нового сердца.

Но был ли у нее выбор? Единственной альтернативой пересадке была смерть – в очень скором времени. Так что, выбора у нее, можно сказать, не было вообще.

– Я готова, – уверенно произнесла она. – Ой, нет, подождите. Если я под наркозом начну сочинять оды своему персональному вибратору, знайте, что все это выдумка.

В ответ ей послышался приглушенный масками смех докторов.

Через несколько секунд Кэт начали накрывать теплые волны анестезии, погружая ее в состояние умиротворения и покоя. Она посмотрела на Дина, улыбнулась и закрыла глаза – возможно, в последний раз.

Всего за мгновение до того, как сознание окончательно отключилось, в мозгу вспыхнула Сверхновой промелькнула последняя мысль. Кто же мой донор?

Глава 2

10 октября 1990 года

– Как может развод быть более грешным, чем то, чем мы занимаемся? – спросил он.

Они лежали в постели, которую она обычно делила с мужем. Правда, в данный момент тот был на работе, на мясокомбинате. Она же была дома. В их офисном здании произошла утечка газа. Работников в срочном порядке эвакуировали и отправили по домам, а само здание закрыли до конца дня. Внезапно на них свалился незапланированный выходной.

В небольшой, тесной спальне стоял мускусный запах бурного секса. Тела обоих блестели капельками пота. Над головой медленно вращались лопасти вентилятора.

Мягкие простыни были влажными. Жалюзи опущены, преграждая путь лучам полуденного солнца. На ночном столике горели ароматизированные свечи, отбрасывая дрожащие отблески на выцветшие обои в цветочек и висевшее на стене распятие.

Впрочем, сонная атмосфера была обманчива. Время поджимало, и они в оставшиеся минуты отчаянно пытались выжать из них последние капли удовольствия. Вскоре две ее дочери вернутся из школы. Не хотелось бы тратить ценные мгновения на выяснение отношений.

Он не в первый раз умолял ее подать на развод, чтобы она могла выйти за него замуж. Но она католичка. Католики не разводятся.

– Да, я изменяю мужу, – негромко сказала она. – Но мой грех касается лишь нас двоих. Мы единственные о нем знаем. Кроме моего исповедника.

– Ты рассказала про наши отношения исповеднику?

– Да, причем несколько раз. Но я больше не пойду на исповедь. Мне стыдно.

Она села и, подвинувшись к краю кровати, отвернулась от него. Ее темные, влажные волосы налипли ей на шею. В стоявшем в углу трюмо ему было видно ее отражение. Смуглая спина, тонкая талия, плавно переходящая в широкие бедра. На поясице – две небольших ямочки.

Она была критического мнения о своей фигуре: бедра чересчур широки, ноги толстоваты. Ему же, наоборот, нравились ее женственные формы и смуглая, мексиканская кожа. Она даже на вкус мексиканская, говорил он ей. Разумеется, страстный шепот ничего не значит, и все же ей была приятна его похвала.

Он протянул руку и погладил ее спину.

– В том, что мы делаем, нет ничего дурного. Тебе нечего стесняться. Когда ты говоришь, что тебе стыдно за нас, я чувствую себя полным ничтожеством.

Собственно говоря, их постельному роману было всего четыре месяца. До этого они почти год боролись с собственной совестью. Их офисы находились на разных этажах, но они часто сталкивались в лифте офисного небоскреба. Их знакомство состоялось в столовой цокольного этажа. Он случайно толкнул ее, и она разлила кофе. Они виновато улыбнулись друг другу и обменялись извинениями.

Вскоре они уже вместе проводили обеденный перерыв и «кофейные паузы». Встречи в столовой вошли в привычку, привычка постепенно переросла в потребность. Им было важно видеть друг друга, встречи поднимали обоим настроение. Выходные растягивались на целую вечность, превращаясь в пытку. Казалось, что понедельник, когда они снова увидятся, никогда не наступит. Она начала задерживаться на работе сверхурочно, чтобы урвать еще несколько бесценных моментов, прежде чем разойтись по домам.

Однажды вечером, когда они вместе уходили с работы, пошел дождь. Он предложил довезти ее до дома.

Она покачала головой.

– Нет, я, как обычно, поеду на автобусе. Но все равно спасибо.

Посмотрев друг на друга с тоской и сожалением, они пожелали друг другу доброй ночи и расстались. Прижимая к груди сумочку и сжимая во второй хлипкий зонтик, она бросилась под проливным дождем к автобусной остановке на углу.

Она все еще стояла там в своем тонком плаще, когда у тротуара остановилась машина. Он опустил стекло со стороны пассажирского сиденья.

– Прошу тебя, садись.

– Скоро придет автобус.

– К тому времени ты промокнешь до нитки. Садись.

– Он опаздывает всего на несколько минут.

– Прошу тебя.

Он умолял ее о чем-то большем, нежели просто возможности довезти ее до дома, и оба это прекрасно знали. Не в силах противостоять искушению, она, как только он распахнул дверь, села к нему в машину. Не говоря ни слова, он отвез ее в глухую часть городского парка, благо до него было недалеко.

Не успел он выключить мотор и повернуться к ней, как их губы слились в жарком поцелуе. Этого первого прикосновения было достаточно, чтобы она забыла о муже, о детях, о своих религиозных убеждениях. Ею двигали лишь потребности тела, а не строгие моральные правила, впитанные еще в юном возрасте, как только она начала различать добро и зло.

Охваченные нетерпением, они буквально рвали на влажной одежде друг друга пуговицы, молнии и крючки, пока наконец не соприкоснулись обнаженными телами. Сначала его руки, а затем и рот творили с ней вещи, от которых она одновременно пришла в восторг и ужас. Когда он вошел в нее, голос совести стал почти не слышен – его заглушили пылкие признания в любви.

Эта первоначальная страсть даже не думала ослабевать. Наоборот, она лишь сильнее разгоралась с каждым их тайным свиданием.

И вот теперь она обернулась и посмотрела на него через плечо. На ее полных губах играла застенчивая улыбка.

– Мне еще не настолько стыдно, чтобы поставить точку в наших отношениях. Пусть это грех, но я бы умерла, зная, что больше никогда не окажусь в твоих объятиях.

Простонав от нестерпимого желания, он вновь притянул ее к себе. Она повернулась к нему, а в следующий миг уже лежала сверху, сжимая ногами его бедра.

Он с силой вошел в нее, после чего оторвал голову от подушки, чтобы приласкать ее грудь. Ее отвердевшие соски коснулись его губ. Сначала он ласкал их языком, после чего жадно втянул в рот.

Эта позиция до сих пор была для нее в новинку, возбуждала, подстегивала желание. Она оседлала его член, галопируя на нем, словно безумная наездница. Вскоре оба уже корчились в сладких конвульсиях оргазма, а потом обессиленно, задыхаясь, словно от быстрого бега, откинулись на подушки.

– Уйди от него, – прохрипел он. – Сегодня. Сейчас. Я не хочу, чтобы ты провела с ним хотя бы ночь.

– Я не могу.

– Неправда, можешь. Я, даже думая о тебе, схожу с ума. Я люблю тебя. Слышишь? Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – сказала она сквозь слезы. – Но я не могу взять и уйти из семьи. Не могу оставить детей.

– Твой дом теперь – со мной. Я не требую, чтобы ты оставила детей. Забери их с собой. Я заменю им отца.

– У них уже есть отец. И они его любят. Но мой муж... В глазах Господа я принадлежу ему. И не могу его бросить.

– Ты его не любишь.

– Нет, – честно призналась она. – По крайней мере, не в том смысле, в каком я люблю тебя. Он хороший человек. Он обеспечивает меня и наших дочерей.

– Это не любовь. Он всего лишь исполняет свой долг.

– Для него это примерно одно и то же, – она положила ему на плечо голову, как будто помогая ему понять. – Мы выросли в одном квартале. Мы влюбились друг в друга еще школьниками. Наши жизни переплелись и их не развязать. Он – часть меня. Я – часть его. Если я его брошу, он никогда не поймет, почему. Это его убьет.

– Если ты не уйдешь от него, это убьет меня.

– Неправда, – возразила она. – Ты умнее, чем он. Сильнее, увереннее в себе. Ты выдержишь, что бы ни случилось. А вот он – вряд ли.

– Он не любит тебя так, как люблю я.

– Он не делает со мной в постели того, что делаешь ты. Ему бы и в голову не пришло, – она смутилась и опустила голову.

Сексуальность была запретной темой. Ее обходили молчалим. Такие вещи было не принято обсуждать вслух. Ни в ее семье, когда она была девушкой, ни когда вышла замуж. Это делали в темноте – неизбежное зло, которое господь терпит лишь затем, чтобы не прервался человеческий род.

– Он не чувствителен к моим желаниям, – призналась она, покраснев. – Он бы пришел в ужас, узнай он, что они у меня есть. Ты вынуждаешь меня трогать тебя так, как никогда бы не осмелилась прикоснуться к нему, опасаясь тем самым его оскорбить. Он счел бы твою сексуальность признаком слабости. Его никто не учил быть нежным в постели.

– Типичный мексиканский мачизм, – с горечью произнес он. – И ты согласна терпеть его до конца своих дней.

Она печально посмотрела на него.

– Я люблю тебя сильнее, чем свою жизнь. Но он мой муж. У нас есть дети. Мы принадлежим одной культуре.

– Мы с тобой тоже могли бы иметь детей.

Она с нежностью и сожалением прикоснулась к его щеке. Порой он вел себя как ребенок, требуя от нее того, чего она не в состоянии ему дать.

– Брак – это священное таинство. Перед Богом я пообещала принадлежать ему до самой смерти, ибо только она способна разлучить нас, – к ее глазам подступили слезы. – Ради тебя я нарушила обет верности. Другие я не нарушу.

– Перестань. Не надо плакать. Я не хочу, чтобы ты из-за меня страдала.

– Обними меня, – она теснее прижалась к нему.

Он погладил ее волосы.

– Я знаю, что, бывая со мной, ты нарушаешь свои религиозные заповеди. Но это свидетельство глубины твоих чувств. Твое понятие морали не позволило бы тебе спать со мной, не любя ты меня всем сердцем.

– Я же тебя люблю.

– Знаю. – Он вытер с ее щек слезы. – Прошу тебя, не плачь, Джуди. Мы что-нибудь придумаем. Вот увидишь. А пока полежи рядом со мной. Нам осталось совсем немного времени.

Они прижались друг к другу. Их страдания были столь же абсолютны, как и их любовь, а их тела как будто созданы друг для друга.

Именно такими их и застал ее муж всего несколько минут спустя.

Она заметила его первой – он стоял в дверном проеме спальни, пылая праведным гневом. Она тотчас вскочила и потянулась за простыней, чтобы прикрыть наготу. Она открыла было рот, чтобы произнести его имя, но в горле пересохло от страха и стыда.

Изрыгая грязные слова, каких от него она ни разу не слышала, он бросился к кровати, воздев над головой бейсбольную биту. Очертив в воздухе зловещую дугу, та опустилась ей на голову.

Позднее даже медиков, которым не привыкать к самым ужасным сценам, едва не вырвало при виде кровавого зрелища. Обои в цветочек рядом с кроватью от пола и до потолка были забрызганы кровью и частичками мозга.

– Господи Иисусе! – пробормотал один из них, отнюдь не для того, чтобы оскорбить висевшее на стене распятие.

Его партнер опустился на колени.

– Черт побери, я прощупал пульс.

Второй с сомнением посмотрел на раскроенный череп, откуда по-прежнему вытекал мозг.

– Думаешь, есть шанс?

– Нет, но попробовать можно. Похоже, мы имеем потенциального донора органов.

Глава 3

10 октября 1990 года

– Что-то не так с блинчиками?

Он поднял голову и посмотрел на нее отсутствующим взглядом.

– Что?

– Хорошо взбитое тесто позволяет выпекать невесомые, ажурные блинчики. Должно быть, я сделала что-то не так с тестом.

Он ковырялся в тарелке с завтраком уже минут пять, но так ничего и не съел. Затем размазал вилкой липкую сладкую кашу и виновато улыбнулся.

– Нет-нет, с блинчиками все в порядке. Дело не в них.

Он не хотел ее обижать. На самом деле Аманда готовила из рук вон плохо.

– Как мой кофе?

– Замечательный кофе. Я пожалуй, выпью еще чашку.

Она посмотрела на часы.

– У тебя есть время?

– Я не тороплюсь.

Он редко позволял себе опаздывать на работу. Что бы там ни занимало его мысли последние несколько дней, это наверняка что-то крайне важное, подумала она.

Она неуклюже поднялась и подошла к стоявшей на кухонном столе кофеварке. Забрав графин, вернулась к нему и снова наполнила его чашку.

– Нам нужно поговорить.

– Что ж, приятное разнообразие, – сказала она, снова сев на стул. – Ты как будто находишься в другом мире.

– Знаю. Извини.

Он нахмурился; между бровями тотчас образовалась суровая складка. Он задумчиво смотрел на дымящуюся чашку кофе, которого он точно не хотел. Она это знала. Он просто пытался тянуть время.

– Ты пугаешь меня, – мягко произнесла она. – Что бы ни тревожило тебя, почему ты не хочешь рассказать мне? Вот увидишь, тебе сразу станет легче. Что это? Другая женщина?

Он смерил ее выразительным взглядом, молча упрекая – как вообще у нее язык повернулся предположить нечто подобное.

– Все понятно, – сказала она, шлепнув ладонью по столу. – Я тебе отвратительна, потому что стала похожа на слониху. У меня жуткие отекающие ноги. Ты скучаешь по моим маленьким острым грудкам, которыми ты раньше дразнил меня. Мой аккуратный пупок остался в прошлом, мой раздутый живот тебя отталкивает. Беременность лишила меня привлекательности, и тебе хочется трахаться с молоденькими красотками. Просто ты боишься мне в этом признаться. У тебя наверняка кто-то есть. Угадала?

– Ты с ума сошла. – Он перегнулся через маленький столик и, взяв ее за руки, заставил подняться на ноги. Когда она встала перед ним, он положил руки на ее огромный живот. – Я люблю твой пупок, и каким он был, и каким он стал.

Он поцеловал ее сквозь ткань ночной рубашки. Грубые волосинки его усов проникли насквозь и пощекотали кожу.

– Я люблю будущего малыша. Я люблю тебя. У меня нет другой женщины, кроме тебя, и никогда не будет.

– Лжешь.

– Честно тебе говорю.

– А как же Мишель Пфайфер?¹

Он усмехнулся, сделав вид, будто задумался над ее вопросом.

– Это трудный вопрос. Как ее блинчики?

– Это для тебя так важно?

Он рассмеялся, посадил ее себе на колени и обнял.

– Осторожно, не раздави свое мужское хозяйство, – предупредила его она.

– Постараюсь.

Они страстно поцеловались. Когда он наконец оторвался от ее губ, она посмотрела на его хмурое лицо. Несмотря на ранний час и то, что он только что принял душ и побрился, вид у него был усталый, как будто он проработал целый день.

– Если это не моя стряпня, не другая женщина и не моя расплывшаяся фигура, то что тогда?

– Мне неприятно, что из-за меня ты вынуждена поставить крест на своей карьере.

У нее словно гора свалилась с плеч. Сказать по правде, она опасалась, что это нечто более серьезное.

– Неужели это так тревожит тебя?

– Это несправедливо, – упрямо заявил он.

– В отношении кого?

– В отношении тебя, конечно.

Аманда подозрительно посмотрела на него.

– Неужели ты собрался досрочно выйти на пенсию, чтобы превратиться в домоседа, и чтобы я содержала тебя?

– А что? Неплохая идея, – улыбнулся он. – Но, честно говоря, я думаю только о тебе. К сожалению, биология благосклонна к мужчинам...

– Это верно, – проворчала она.

– Тебе приходится идти на жертвы.

– Сколько раз я говорила тебе, что делаю как раз то, что хочу? Я хочу иметь ребенка, нашего ребенка. Это приносит мне радость.

К известию о ее беременности он отнесся со смешанными чувствами. Его первой реакцией был шок. Она перестала принимать противозачаточные пилюли, даже не обсудив это с ним. Впрочем, вскоре первоначальный шок прошел. Он свыкся с мыслью об отцовстве. Более того, эта идея начала ему даже нравиться.

В конце первого триместра она предупредила партнеров юридической фирмы, в которой работала, что возьмет отпуск по уходу за ребенком. Она уже точно знала, что будет рожать. Теперь же ее удивило, что у него, оказывается, есть сомнения на этот счет.

– Ты не была на работе всего пару недель и уже сделалась какой-то взвинченной, – сказал он. – Это видно с первого взгляда. Я отлично знаю, когда ты места себе не находишь.

Она нежным прикосновением убрала с его лба непослушные пряди.

– Это потому, что дома я уже все переделала. Вымыла плитку, составила список консервов, разобрала оба ящика с носками в платяном шкафу. Я составила список дел, которые нужно успеть до рождения ребенка. Когда малыш появится на свет, у меня будет забот полон рот.

На его лице оставалось все то же виноватое выражение.

– Пока ты будешь изображать из себя Счастливую Хранительницу Домашнего Очага, остальные твои коллеги обгонят тебя на карьерной лестнице.

¹ Мишель Мари Пфайфер – знаменитая американская актриса, трижды номинированная на кинопремию «Оскар», в кино снимается с 1979 года. – *Прим. пер.*

– И что из этого? – рассмеялась она. – Наш ребенок – самое главное дело моей жизни, и нынешней, и будущей. Это мое твердое убеждение.

Она взяла его руку и положила себе на живот. Он почувствовал, что ребенок зашевелился.

– Чувствуешь? Неужели какая-нибудь судебная тяжба важнее этого? Я приняла решение и довольна им. Я хочу, чтобы и ты был доволен и не волновался.

Впрочем, про себя она с ним согласилась, хотя и не сказала этого вслух. Покоя ему никогда не будет. И все же он не перестал любить ее, узнав, что у нее будет ребенок. Вот и сейчас он погладил ей живот в том месте, где их будущий ребенок только что лягнул ее изнутри крепкой ножкой.

– Наверно, ты слишком многого хочешь.

– Мне казалось, все мужчины хотят, чтобы их жены сидели дома, были беременны и босы, – поддразнила она его. – Что с тобой не так?

– Просто я не хочу, чтобы ты когда-нибудь пожалела о том, что отказалась от карьеры.

– Этого не произойдет, – с улыбкой заверила она его.

– Тогда почему мне кажется, что над моей головой занесен топор?

– Потому что ты, глядя на стакан, всегда заявляешь, что он наполовину пуст.

– Ты же утверждаешь, что он наполовину полон.

– Я вижу, что он полон до краев.

Она сделала забавный жест, заставивший его улыбнуться себе в усы. Она обожала эту его улыбку.

– Да, да, я вечный пессимист.

– Так ты признаешь это?

– Нет. Просто мы уже касались этого вопроса раньше.

– Да, причем не раз, меня уже от него тошнит, – сказала она.

Они улыбнулись друг другу, и он снова прижал ее к себе.

– Ты и так слишком многим пожертвовала ради меня.

– Помни об этом, когда тебя поманит пальчиком Мишель Пфайфер.

Она удобнее устроилась у него на коленях и поцеловала его с нарастающей страстью. Его рука скользнула по ее ночной рубашке и остановилась на ее груди, тугой и упругой, готовой к лактации. Он погладил ее груди и легонько ущипнул соски.

Затем спустил вниз плечи ночной рубашки и стал ласкать ее губами и языком. Почувствовав его колкие усы, она застонала.

– Ты играешь нечестно.

– Сколько нам еще придется ждать?

– Как минимум шесть недель после родов.

Он шутливо простонал.

– Лучше не начинать то, что мы не сможем прекратить.

– Слишком поздно, – сказал он, подмигнув.

Аманда, смеясь, поправила на плечах ночную рубашку и встала.

– Тебе пора идти.

– Да, верно. – Он тоже встал, надел пиджак и направился к двери. – Как ты себя чувствуешь?

Она обеими руками взялась за живот.

– Не я, мы. Мы себя отлично чувствуем.

– Ты плохо спала.

– Выспишься тут, когда в животе у тебя некто играет в футбол.

Возле порога они поцеловались на прощание.

– Что приготовить вечером на ужин?

- Я свожу тебя куда-нибудь. В какой-нибудь ресторан.
- В китайский?
- Конечно.

По утрам она обычно провожала его до двери и махала рукой. Но сегодня они вышли вместе, под руку, и она довела его до машины. Когда настал момент отпустить его, она подумала, что ей этого очень не хочется. Неужели его пессимизм так заразителен? Его дурное предчувствие, должно быть, передалось и ей. Ей хотелось прижаться к нему, попросить его солгать коллегам, сказаться больным и на весь день остаться дома.

– Не думай, что я пожертвую всей своей жизнью ради материнства. На твою долю тоже хватит грязных подгузников, которые постоянно нужно менять, – пошутила она, стараясь скрыть то, что, скорее всего, было лишь перепадами настроения, свойственными многим беременным.

– Жду не дождусь этого момента, – улыбнулся он в ответ. Затем, посерьезнев, положил руки ей на плечи. – Тебя так легко и просто любить. Ты хотя бы догадываешься об этом?

Она наклонила голову и улыбнулась ему.

– Знаю. – Яркое солнце слепило глаза. Может быть, поэтому он не заметил в них слезы. – Я тоже люблю тебя.

Прежде чем поцеловать ее, он взял ее лицо в свои ладони и пристально посмотрел ей в глаза.

– Попытаюсь пораньше вернуться домой, – произнес он чуть охрипшим голосом и, сев за руль, добавил: – Если буду нужен тебе, звони.

– Обязательно.

Когда он доехал до угла дома, она подняла руку и помахала ему.

Она почувствовала боль в пояснице, когда мыла посуду. Она немного отдохнула, прежде чем заправить постель, но тупая боль не отступала.

К полудню боль дала о себе знать сокращениями брюшных мышц. Она собралась было позвонить ему, но передумала. Такое иногда бывает даже за несколько недель до родов. Но до родов у нее еще целых две недели. Наверное, это ложная тревога. Работа у него сложная и ответственная; не стоит отвлекать его по пустякам.

Вскоре после четырех часов у нее отошли воды, и ей стало понятно, что дело серьезное. Она позвонила своему акушеру. Тот заверил ее, что спешить и нервничать не стоит, что роды первого ребенка нередко длятся по несколько часов, но посоветовал на всякий случай позвонить в больницу.

Стало ясно: со звонком тянуть больше нельзя. Она позвонила ему на работу, но ей сказали, что его на месте нет, он якобы вышел. Что ж, ничего трагического. Все равно ей нужно кое-что сделать, прежде чем отправиться в больницу.

Она приняла душ, побрила ноги, вымыла с шампунем голову, не зная, когда сможет сделать это в следующий раз. Ее чемоданчик уже был собран. В нем лежали несколько ночных рубашек, новый халат, тапочки и конверт для выписки малыша домой. В последнюю минуту она положила туда туалетные принадлежности и кое-какие мелочи. Закрыв чемоданчик, она поставила его возле входной двери.

Схватки тем временем делались все сильнее. Она в очередной раз позвонила ему на работу.

– Он вышел, – ответили ей. – Но я могу пойти поискать его. Вам это срочно?

Было ли это ей срочно? Наверно, нет. Женщины рожают в самых разных обстоятельствах. Она вполне сможет самостоятельно добраться до больницы. Тем более ему совсем не по пути заезжать за ней домой и везти в клинику.

Ей отчаянно хотелось поговорить с ним. Стоит услышать его голос, и ей станет намного спокойнее. Увы, пришлось довольствоваться тем, что она попросила передать ему, чтобы он как можно раньше приехал к ней в больницу.

Ей же нет никакого смысла изображать благородство и самой сесть за руль, но ни родственников, ни друзей, кого она могла бы попросить об этом, не было. Она набрала номер 911.

– У меня начинаются роды и меня нужно срочно отвезти в больницу.

«Скорая помощь» приехала через десять минут. Медики осмотрели ее.

– Нехорошее кровяное давление, – сообщил один из них, снимая манжету тонометра с ее запястья. – Когда точно начались схватки?

– Несколько часов назад.

К этому моменту схватки уже сделались невыносимыми. Дыхательные упражнения, которым ее учили на занятиях для будущих мам, оказались менее действенными, они удавались лучше, когда она делала их в группе. Она попыталась правильно дышать, но это не уменьшило боль.

– Еще долго? – спросила она, шумно хватая ртом воздух.

– Не очень. Держитесь. Вы все делаете правильно.

Но что-то было не так. Она поняла это по озабоченному лицу врача, когда тот осмотрел ее в предродовой.

– Ягодичное предлежание плода.

– О боже! – ахнула она.

– Не волнуйтесь. Такое часто бывает. Попробуем перевернуть его. Не получится, будем делать кесарево сечение.

– Я позвонила по тому номеру, который вы дали мне, – сказала акушерка, уловив ее панику. – Он уже в пути.

– Слава богу, – вздохнула Аманда, немного успокоившись, и повторила: – Слава богу.

– Он ваш наставник?

– Он – мое все.

Акушерка сжала ее руку и говорила с ней все время, пока она была в очередном туннеле боли, пока доктор пытался перевернуть плод головкой вниз, постоянно контролируя его сердцебиение. В свою очередь, акушерка все чаще и чаще измеряла Аманде кровяное давление.

– Готовьте ее к кесареву, – раздался голос врача.

Следующие несколько минут промелькнули для нее калейдоскопом света, звуков и движения. Ее в срочном порядке повезли на каталке в родильный зал.

Где же он? Она жалобно позвала его сдавленным голосом, затем сжала зубы, сдерживая рвавшийся из горла крик, пока боль терзала ее тело.

В следующую секунду до нее донесся обрывок разговора двух акушерок.

– ...На окружной жуткая авария...

– Еще бы. Я только что из отделения экстренной помощи. Там настоящий цирк. Несколько смертей, в основном черепно-мозговые травмы. Трансплантологи уже слетелись туда и ждут прибытия родственников.

Чуть ниже сгиба локтя Аманде в руку вонзилась игла. Живот обмазали какой-то холодной жидкостью, ноги обернули стерильными голубыми простынями.

Авария на окружной?

Он должен был ехать как раз по окружной. Он торопился к ней, хотел успеть до родов. Гнал машину, превышал скорость, чего обычно не делал.

– Нет! – простонала она.

– Держитесь! Еще несколько минут, и ваш малыш появится на свет. – Голос был добрым. Но это был не его голос. Не тот голос, который она хотела бы услышать.

Внезапно до нее дошло, что она больше никогда его не услышит. Каким-то шестым чувством она поняла и то, что больше никогда не увидит его самого.

В это утро, когда на ее глаза навернулись слезы, у нее возникло недоброе предчувствие, будто их поцелуй станет последним. Как будто она знала, что ей больше никогда не прикоснуться к нему.

Так вот почему ей так не хотелось отпускать его. Она вспомнила, как пристально он посмотрел ей в глаза, как будто хотел навсегда запомнить каждую черточку ее лица. Неужели он чувствовал, что прощается с ней навсегда?

– Нет! – зарыдала она. – Нет!

Увы, их судьба была предрешена, она поняла это окончательно и бесповоротно.

– Я люблю тебя! Люблю тебя.

Ее крик эхом отскочил от стен родильной палаты. Он уже не мог услышать ее слов. Его больше не было.

Он ушел. Навсегда.

Глава 4

10 октября 1990 года

– Цик – мудак и урод, – заявил Пити, выковыривая ножом из-под ногтей маслянистую грязь, после чего вытер лезвие о джинсы. – Причем даже больше мудак, чем урод. На твоём месте я бы вернул её ему. Честное слово, Спарки, так лучше для тебя самого.

– Ты – это не я, – он сплюнул рядом с потертым мысом черного сапога своего приятеля. – Если он вновь явится за ней, я ничего не собираюсь ему возвращать. Пусть пеняет на себя.

– Не забывай, что Кисмет уже давно его баба. Еще до того, как ты нарисовался в кадре. Он это отлично помнит.

– Он обращается с ней, как последняя свинья.

Пити философски пожал плечами.

– Пусть только попробует дотронуться до нее хоть пальцем, хотя бы замахнется, клянусь, я гвоздем прибью ему яйца к какому-нибудь пню.

– Да ты, я вижу, рехнулся! – воскликнул Пити. – Не спорю, хорошая телка – это, конечно, круто, но разве других нет? Только помани, сбежится не один десяток. Не понимаю, чего ради подставлять под удар задницу. – Пити словно этакий указующий перст, воздел вверх нож. – Смотри, как бы он не пристукнул тебя сзади. Это он может. Иначе как бы он стал вожаком?

Спарки выругался себе под нос.

– Тоже мне вожак. Мудак и громила, вот кто он такой.

– Так и я о том же.

– Я его не боюсь. Пусть только попробует измываться надо мной. Кстати, и над ней тоже.

Он бросил взгляд на группу молодых женщин, что ловили кайф на шатком крыльце придорожной забегаловки, передавая друг другу «косячок». Сама забегаловка притулилась над городом среди холмов, на обочине местного шоссе, которым сейчас почти никто не пользовался, так как рядом пролегла современная автострада.

Место было глухое. В былые времена оно наверняка притягивало к себе бутлегеров, шлюх, картежников и гангстеров всех мастей. Сейчас же оно манило к себе байкеров, мелких воришек и прочих маргиналов. Почти каждую ночь здесь вспыхивали драки, однако даже в случае поножовщины конфликт улаживался без вмешательства полиции.

Кисмет выделялась из сидевших на крыльце женщин как алмаз в кучке пепла. Черные, густые кудрявые волосы. Темные глаза, соблазнительные выпуклости, которые она, перехватив талию черным кожаным ремнем с серебряными заклепками, гордо демонстрировала, щеголяя в джинсах в обтяжку. Сегодня на ней был топик с таким низким вырезом, что была видна татуировка в виде полумесяца, сделанная над самым сердцем.

Спарки с удовольствием отметил, что выше локтя у нее надет бронзовый браслет, который он несколько недель назад привез ей из Мексики. В каждом ухе болталось по несколько сережек, в основном в виде обручей.

Поймав на себе его взгляд, Кисмет с вызовом тряхнула головой. Ее губы были соблазнительно приоткрыты. Одна из женщин что-то сказала, и она рассмеялась, однако взгляд ее был по-прежнему устремлен в его сторону.

– Смотрю, ты по ней сохнешь, чувак, – со вздохом заметил Пити.

Его слова заделли Спарки, но он не подал вида. Этот интеллектуальный ноль не стоил того, чтобы с ним спорить. К тому же Спарки сам не был уверен, что чувствует по отноше-

нию к Кисмет. Сомнению не подлежало лишь то, что другие женщины не вызывали в нем никакого, даже отдаленно похожего чувства.

Он не любил распространяться о своем прошлом и раскрывать свое настоящее имя. Другие байкеры их банды наверняка бы искренне удивились, скажи он им, что имеет ученую степень в области литературы, полученную в одном из самых престижных университетов страны. В этой среде ум и знания, полученные из книг, ценились невысоко. Вернее, никак не ценились. Так что чем меньше они о нем знают, тем лучше.

Похоже, что и Кисмет в равной степени предпочитает помалкивать о своей прежней жизни, до того как она связалась с Циклопом. По крайней мере, тему своего прошлого она упорно обходила стороной. Он же со своей стороны ее не расспрашивал. Родственные души, они тотчас узнали друг в друге бродягу, причем оба стали такими не от хорошей жизни. Оба пустились в бега в надежде на лучшее.

Наверно, сами того не зная, они искали друг друга. И вот теперь, похоже, поиски завершились. Ему нравился этот метафизический сценарий, и он часто размышлял о нем в минуты безделья.

Когда он впервые увидел ее, она ходила с синяком под глазом и разбитой губой.

– Какого хрена уставился? – огрызнулась она, поймав на себе его взгляд.

– Просто задумался, кто это тебя так.

– Какое тебе до этого дело?

– Такое, что, может, стоит вправить ему мозги. Чтобы больше не распускал руки.

– Кто вправит? Ты, что ли? – окинув его взглядом с головы до ног, она презрительно фыркнула.

– Я сильнее, чем ты думаешь.

– Точно, а я, на фиг, царица Савская. В любом случае я сама о себе позабочусь.

Как оказалось, не смогла. Через несколько дней все лицо и верхняя часть тела снова были в синяках. К этому времени он узнал, что она принадлежит Циклопу, которого так звали за его единственный глаз. Второй был стеклянный.

Впрочем, физический недостаток ничуть не умалял его брутальности. Здоровый глаз смотрел на мир столь же холодно и безжизненно, как и стеклянный. Когда Циклоп смотрел на кого-то, кто не нравился ему, зловещий блеск единственного глаза компенсировал собой безжизненную стекляшку, которая, кстати, сидела довольно криво.

За глаза Циклопа называли «полукровок». Помимо англосаксонской крови в его жилах текла не то мексиканская, не то индейская. Какая точно, никто толком не знал. Похоже, не знал этого и сам Цик. Впрочем, ему это было до фонаря.

Он был смугл, поджар и мускулист. Его любимым оружием был нож. Если бы не Кисмет, Спарки ни за что бы не стал с ним связываться.

К сожалению, судьба распорядилась иначе. Он с первого взгляда влюбился в Кисмет. В ее женственное тело, в томные, темные глаза, в непокорные волосы. На каком-то глубинном уровне причиной тому были ранимость и страх, которые он разглядел в ее дерзких глазах и надменной позе. Удивительным образом, ее тоже потянуло к нему.

Он не сделал ни единого шага ей навстречу, ни разу не озвучил приглашение сесть на его байк. Тем не менее она уловила его немые сигналы. Однажды утром, когда они разбивались на пары и седлали железных коней, она уселась на сиденье позади него и крепко обхватила голыми руками за талию.

В следующий момент все испуганно примолкли. Это к своему байку направился Цик. Он огляделся по сторонам, ища ее взглядом. Заметив ее за спиной Спарки, он зловеще сощурил свой единственный глаз. Ощерив в зверином оскале зубы, он нажал на педаль газа и с ревом унесся прочь.

В тот вечер Кисмет пришла к нему сама. Помня о недавних побоях, полученных ею от Циклопа, он намеревался одарить ее нежностью и лаской. Каково же было его удивление, когда она оказалась настоящей тигрицей – она впивалась в него ногтями и зубами, а ее ненасытный сексуальный аппетит, похоже, не имел границ. Впрочем, это было скорее ее достоинство, нежели недостаток.

Так они стали любовниками и в глазах остальных – парой. Увы, те, кто пришел в банду раньше его, знали Цика как свои пять пальцев. Они не раз становились свидетелями его мести как реальному, так и воображаемому обидчику. Неудивительно, что все до одного опасались, что вожак банды затаил злость, и рано или поздно та прорвется наружу. Еще никто не посмел отобрать у Цика то, что принадлежало ему по праву, и остаться безнаказанным.

Предостережение Пити было излишним. Спарки и сам относился к Цику с оглядкой. Более того, его нарочитое безразличие к Кисмет было, возможно, лишь позой, попыткой спасти лицо в глазах других членов банды. Спарки отнюдь не заблуждался по поводу демонстративного пофигизма Цика, постоянно ожидая удара исподтишка.

Неудивительно, что волосы на затылке встали дыбом, когда на крыльцо бара, пошатываясь, вышел Цик. Схватившись за косяк двери, чтобы не упасть, он другой поднес ко рту бутылку водки. Даже с того места, где он стоял, Спарки в неверном свете сумерек заметил, как его единственный глаз отыскал среди женщин Кисмет.

Пошатываясь, Цик спустился с крыльца и протянул руку, чтобы потрепать ее по шее. Она оттолкнула его руку. Тогда Цик нагнулся и что-то прошептал ей на ухо. Кисмет никогда не лезла за словом в карман. Вот и сейчас она сказала ему что-то такое, отчего остальные женщины рассмеялись.

Цику было не смешно. Он отшвырнул бутылку и молниеносным движением выхватил нож из висевших на ремне ножен. Женщины бросились врассыпную. Кисмет осталась стоять на месте даже тогда, когда острие застыло в считанных миллиметрах от ее лица. Она даже не пошелохнулась. Отпрянула она лишь тогда, когда он сделал им резкое круговое движение. После чего рассмеялся ее испугу.

Забыв предостережения Пити и других приятелей, Спарки бросился к крыльцу. Услышав его шаги, Цик тотчас обернулся и пригнулся, приготовившись к нападению. Он застыл на месте, перебрасывая нож из руки в руку, приглашая Спарки подойти ближе.

– Ну, давай, попробуй.

Спарки ловко парировал несколько зловещих взмахов острого лезвия, каждый из которых мог легко рассечь его пополам. Все-таки физически Цик был его сильнее. Зато на стороне Спарки были трезвость, скорость и ловкость, и он умело уклонялся от ударов.

Дождавшись удобного момента, он ногой выбил из руки Цика нож. Удар пришелся по запястью. Цик взвыл от боли, а нож, описав в воздухе дугу, упал в придорожную пыль.

За первым ударом последовал второй – кулак Спарки врезался Цику в подбородок. Тот зашатался и едва не упал навзничь. Его спасла стена, на которую он налетел спиной. Он медленно сполз по ней вниз.

Спарки поднял с пыльной земли его нож и отшвырнул как можно дальше. Все наблюдали за его полетом как заколдованные. Острое лезвие вращалось в воздухе, поблескивая в свете неоновой вывески, пока наконец не упало в кусты.

Тяжело дыша, Спарки жестом, полным чувства собственного достоинства, протянул руку Кисмет. Та взяла ее, не раздумывая. Вдвоем они отделились от всей компании и сели на байк. Спарки даже не обернулся в отличие от Кисмет. Цик тем временем потихоньку приходил в себя и тряс головой. Прежде чем байк Спарки умчал их в темноту ночи, она показала Цику средний палец.

Ветер свистел у них в ушах, не давая возможности говорить, поэтому они общались другими способами. Обхватив его бедра ногами, она терлась грудью о его спину. Ее руки

ласкали его мошонку, а зубы впивались в плечо. Он негромко постанывал от удовольствия, боли и предвкушения новых ласк.

Теперь она принадлежала ему. Вне всяких сомнений. Даже если у нее и оставались какие-то чувства к поверженному Циклопу, она наверняка оставила их там, у придорожной забегаловки. Вместо этого она стала его, Спарки, женщиной. Как победитель в поединке, он имел полное право сделать ее своей. Как только расстояние между ними и Циком составит несколько миль...

– Черт, Спарки. Он увязался за нами.

За считанные доли секунды до того, как она произнесла эти слова, он и сам заметил, как позади них, словно единственный глаз монстра, темноту прорезал свет фары. Сравнение не только уместное, но и тревожное.

Свет этот с каждой минутой отражался все ярче в зеркале заднего обзора. Цик нагонял их буквально на глазах. Они и без того уже вписывались в повороты на угрожающей скорости. Стараясь удержать дистанцию, Спарки еще сильнее нажал на газ.

Понимая, что Цик взбешен, да еще отравлен водочными парами, Спарки приготовился к тому, что им придется лететь на убийственной скорости до самого города, где, он надеялся, они смогут оторваться от Цика. С каждым мгновением управлять байком становилось все труднее и труднее.

Крикнув Кисмет, чтобы та крепче держалась за него, он едва ли не горизонтально вписался в очередной поворот. Увы, как только они выпрямились, он понял, что, несмотря на крутой поворот, Цик даже не думал сбрасывать скорость.

– Быстрее! – крикнула Кисмет. – Он нас догоняет! Если догонит, нам обоим хана!

Он с удвоенной силой нажал на газ. Пролетающий мимо пейзаж слился в одну смазанную полосу. О встречном движении он старался не думать. Впрочем, пока что им никто и не встретился, но...

– Берегись!

Цик догнал их и теперь летел почти параллельно их байку. Чтобы оторваться от него, Спарки выскочил на встречную полосу. Ведь стоит позволить Циклу их обогнать, как можно заказывать отходную.

Дорога была теперь не такой крутой, хотя по-прежнему оставалась извилистой. До города рукой было подать. Главное, поскорее оказаться в городской черте, там они наконец оторвутся от одноглазого маньяка, севшего им на хвост.

Преодолевая очередной поворот, Спарки мысленно разрабатывал стратегию. Как только поворот остался позади, они как будто перенеслись на другую планету. Холмы отступили, местность сделалась плоской, как стол. Перед ними, словно натянутая серебристая лента, вдаль уходила прямая дорога, что вела прямо в центр города. Если судьба будет благосклонна к ним, безумное бегство скоро закончится.

Кисмет неожиданно вскрикнула. Спарки грязно выругался. Они неслись прямо на перекресток. В следующий миг дорогу им перегородил грузовик для перевозки скота. На такой скорости свернуть было невозможно. Цик все так же сидел у них на хвосте. Грузовик для перевозки скота катил медленно и, когда они подъехали к перекрестку, по-прежнему перегораживал им путь.

Времени на размышления не было.

Спустя полчаса по коридору в зал ожидания для родственников уже спешил молоденький ординатор. Там его поджидала пестрая толпа байкеров, пришедших узнать о состоянии своих друзей. Даже самые стойкие из них побледнели, увидев забрызганный кровью халат.

– Мне очень жаль, – запыхавшись, произнес он. – Мы сделали все, что могли. И сейчас хотели бы поговорить с кем-то из близких родственников – о возможном изъятии органов для трансплантации. Причем как можно скорее.

Глава 5

Май 1991 года

– Эй, Пирс. Это общественное место и потому заслуживает уважения. Убери-ка от стены свою чертову ногу.

Трубный глас, способный пробудить даже мертвого, мгновенно вернул Алекса Пирса из состояния задумчивости на грешную землю. Когда же к нему подошла сама обладательница мощного голоса – рослая женщина, судебный пристав, – на его осунувшемся лице появилась улыбка. Он послушно убрал от стены ногу в ковбойском сапоге.

– Привет, Линда.

– И это все, что ты можешь мне сказать? «Привет, Линда»? После того что у нас с тобой было? – Упершись массивными кулаками в широкие бедра, она сердито посмотрела на Алекса, затем быстро изменила позу и дружески хлопнула его по плечу. – Как поживаешь, красавчик?

– Все отлично, жаловаться не на что. Как ты?

– Как всегда.

Линда хмуро посмотрела на переполненный зал, в котором сотня потенциальных присяжных отчаянно надеялась получить освобождение от выполнения гражданского долга.

– Здесь ничто не меняется, кроме лиц. Вечно одни и те же дешевые отмазки, вечный скулеж и увиливание. Они готовы на что угодно, лишь бы избежать участия в суде присяжных.

Она вновь повернулась к Алексу.

– Где ты пропадал все это время? Я слышала, будто ты уехал из Хьюстона.

До событий прошлогоднего Дня независимости Алекс Пирс частенько бывал в суде округа Харрис, где выступал свидетелем на процессах над преступниками, в поимке которых участвовал.

– Я по-прежнему получаю здесь почту. Ее пересылают сюда и оставляют для меня, – равнодушно ответил Алекс. – Большую часть времени я в разъездах. Вот недавно ездил в Мексику ловить рыбу.

– Поймал что-нибудь?

– Хвастаться особо нечем.

– Надеюсь «живчиков» не словил?

Алекс криво улыбнулся.

– В наши дни следует надеяться, что «живчики» – это все, что там можно словить.

– Твоя правда. – Громогласная Линда печально встряхнула гривой рыжих волос. – Вчера я прочитала в газете, что дезодорант, которым я пользуюсь, пробивает дыры в озоновом слое, а от тампонов я могу получить токсический шок. Все то, что я ем, или забивает мои артерии или грозит раком толстой кишки. Послушать их, так даже трахаться теперь вредно.

Алекс рассмеялся, нисколько не задетый ее вульгарностью. Они с Линдой знакомы давно – с тех пор, как он новичком-копом пришел в полицейское управление Хьюстона.

Линда была неременным атрибутом суда, и ее знали все блюстители закона. Она была в курсе всех последних сплетен и знала грязные шутки всех времен и народов, однако за внешней грубостью скрывалась влюбчивая душа, в которую она допускала лишь немногих. Алекс Пирс относился как раз к их числу.

Линда выразительно посмотрела на него.

– Так как поживаешь на самом деле, красавчик?

– Отлично. На самом деле.

– Скучаешь по старой работе?

- Нет, черт возьми. Ни капельки.
- Знаю, тебе наплевать на политику и прочее дерьмо. Ну а как насчет настоящей работы?
- Сейчас под пули попадают только мои персонажи.
- Персонажи? В смысле?
- Да, персонажи, – смущенно ответил Алекс. – Пишу сейчас помаленьку.
- Ты это серьезно? – Похоже, что его признание впечатлило Линду. – Не иначе как ты собрался написать скандальную книжонку о жизни полицейского управления большого города?
- Вообще-то это художественная литература. Чистый вымысел, но на основе личного опыта.
- И как? Успехи есть?
- Ты имеешь в виду в издательском деле? – спросил Алекс и покачал головой. – До успехов еще далеко, как до Луны. Если вообще когда-нибудь будут успехи.
- Ты справишься. Я точно знаю. Вот увидишь.
- Как сказать. Пока что моя писательская карьера складывается не слишком блестяще.
- Знаешь, я в тебя верю. – Немного подумав, Линда спросила: – С кем-нибудь сейчас встречаешься?
- Имеешь в виду женщин?
- Ну, если ты не переключился на другой пол, – сухо произнесла Линда. – Конечно, женщин, кого же еще.
- Нет, на другой пол я не переключился. Ни с кем не встречаюсь. Особо ни с кем.
- Линда окинула его критическим взглядом.
- А следовало бы. Куда тебе без женщины? Твой гардероб оставляет желать лучшего. Его не помешало бы отдать в женские руки.
- Что не так с моей одеждой? – Алекс осмотрел себя, но не нашел ничего такого, что было бы не в порядке.
- Начнем с того, что твоя рубашка давно не видела горячего утюга.
- Она чистая. Да и мои джинсы тоже.
- Смотрю я на тебя и думаю – после того как ты ушел со службы, ты разленился и перестал за собой следить.
- Бывает, когда становишься сам себе начальником. Я ношу то, в чем мне удобно, и не бреюсь, когда мне этого не хочется.
- Ты стал тощим, как огородное пугало, – заметила Линда.
- Я просто постройнел.
- Линда скептически выгнула бровь.
- Ну ладно. Признаюсь. В Мексике я подхватил какую-то заразу. Блевал так, что меня едва не вывернуло наизнанку. С тех пор никак не наберу вес.
- Судя по ее сердитому взгляду, Линда не купилась на эту ложь.
- Честное слово, со мной все в порядке, – поспешил заверить ее Алекс. – Правда, иногда я забываю поесть. Начинаю работать над книгой до рассвета, еще в темноте, и когда приближается ночь, до меня доходит, что я забыл поужинать. Часто предпочитаю сон еде. Это одна из опасностей моей новой профессии.
- Кстати, как и алкоголизм.
- Алекс покачал головой и с раздражением в голосе ответил:
- У меня все под контролем.
- А я слышала другое. Может, тебе пора завязать с этим делом?
- Да, мамуля. Слушаюсь.

– Послушай, засранец, я считаю себя твоим другом. Знаю, что друзей у тебя раз-два и обчелся. – В голосе Линды слышалось раздражение и озабоченность. – И еще я слышала, что у тебя бывают обмороки.

Чертовы слухи. Хотя он давно уже не работает в системе, о нем все равно продолжают трепать языками.

– Ни разу не было, – солгал он.

– Я упомянула о твоей дружбе с «Джонни Уокером» только потому, что мне действительно за тебя тревожно.

– Тогда ты здесь единственная, кто и впрямь обо мне тревожится. – Услышав в собственном голосе нечто похожее на нотку жалости к себе, Алекс поспешил добавить: – Я ценю твою заботу, Линда. Правда. Я знаю, что слегка съехал с катушек, после того как случилось это дерьмо, но сейчас со мной точно все в порядке. Честно. Так что не слушай никаких сплетников и не давай им спуска.

Линда смирившая его скептическим взглядом, однако решила не развивать дальше неприятную для него тему.

– Что сегодня привело тебя сюда?

– Пытаюсь словить идею для будущей книги. Может, что-то почерпну из процесса над Рейесом.

Линда недоверчиво сощурилась.

– У тебя есть конкретная причина, по которой ты выбрал именно дело Рейеса? Разве других мало?

Алекс вот уже несколько месяцев следил за ходом именно этого разбирательства.

– В нем есть все, что нужно для увлекательного романа, – пояснил он. – Внебрачный секс. Религиозные намеки. Любовники, которых застукал врасплох разгневанный муж. Бейсбольная бита в качестве орудия убийства. Это будет покруче, чем пуля. Кровь и мозги на стенах. Мертвое тело по пути в морг.

– Не вполне мертвое тело.

– Мертвый мозг, – стоял на своем Алекс.

– Это медицинское определение, а не юридическое, – напомнила ему Линда.

– Адвокат Рейеса утверждает, что формально его подзащитный жену не убивал, так как сердце продолжало биться и его сохранили для возможной пересадки.

– Пересадка, посадка, – брезгливо произнесла Линда. – Только врачи могли придумать такое словечко. Как будто речь идет не о человеческом сердце, а о каком-нибудь овоще. В любом случае была вскрыта целая юридическая банка с червями. Если его женушка, когда у нее изъяли сердце, еще не откинула копыта, выходит, что Рейес не виновен в убийстве, правильно я говорю?

– К счастью, это решать не тебе и не мне, – рассудил Алекс. – Пусть решают присяжные.

– А за что ты бы голосовал, будь ты присяжным?

– Не знаю, потому что не слышал всех свидетельских показаний. Но я намерен их выслушать. Случайно не знаешь, в каком зале будет проходить слушание?

– Знаю, как не знать. – Линда усмехнулась, сверкнув золотыми коронками. – Что я буду за это иметь?

Номер зала ему мог сообщить любой, но он решил подыграть ей.

– Несколько бутылочек пива в подходящий момент. Пойдет?

– Вообще-то я рассчитывала на ужин у меня дома, – улыбнулась Линда. – А потом... Кто знает?

– Ты о чем?

– Стейк, картошка и секс. Не обязательно в таком порядке. Можно в произвольном. Соглашайся, Алекс, мой мальчик. Это лучшее приглашение из всех, что ты получишь сегодня.

Алекс рассмеялся. Он не стал принимать это предложение за чистую монету, зная, что Линда шутит.

– Прости, дорогая. Не сегодня. У меня уже есть планы на вечер.

– Я, конечно, не королева красоты, но и ты не обманывайся насчет моей внешности. Я знаю, как порадовать мужчину. Могу сделать так, что в твоих глазах появятся слезы благодарности. Клянусь тебе. Ты не понимаешь, какого счастья лишаешься.

– Не сомневаюсь, что ты говоришь правду, – снова подыграл он ей. – Ты чертовски сексуальна, Линда. Я всегда так считал.

Улыбка Линды сделалась еще шире.

– Так я тебе и поверила. Впрочем, ты всегда умел к месту вставить красное словцо. Даже мне порой случалось клевать на твою удочку. Думаю, что из тебя выйдет хороший писатель. Успешный. Ты умеешь сделать так, чтобы люди тебе поверили.

Она локтем толкнула его руку.

– Пойдем, красавчик. Провожу тебя до зала суда. Скоро начнут отбор присяжных. Попытайся не нарушать порядок. Если напьешься и начнешь буянить, тебя выставят оттуда, и, клянусь, я даже пальцем не пошевелю ради твоего спасения.

– Обещаю быть пай-мальчиком, – заявил Алекс и для пущей убедительности шутливо перекрестился.

– Так я тебе и поверила, – в очередной раз фыркнула Линда.

Суд на Полем Рейесом породил немалый общественный резонанс. Чтобы найти свободное место, Алекс каждый день приходил в зал суда заранее. И всякий раз большая часть мест уже была занята друзьями и родственниками обвиняемого.

Прокурор главным образом полагался на свидетельские показания полицейского, первым прибывшего на место преступления, который в оттачивающих подробностях описал увиденное. Затем присяжным показали фотографии: все дружно передернулись от ужаса.

Адвокат организовал целую армию из коллег и друзей обвиняемого. В их числе был даже священник, заявивший о добром характере Рейеса. По его словам, лишь измена супруги смогла подтолкнуть Рейеса к совершению столь жуткого преступления.

Присяжные выслушали свидетельские показания медиков, которых вызвал сам Рейес. По их словам, когда они прибыли, у жертвы все еще прощупывался пульс. Врач в отделении экстренной медицинской помощи установил, что мозговой активности уже не было, однако работу сердца и легких врачи поддерживали – в ожидании разрешения на пересадку тканей и сердца. Хирург, удаливший сердце из тела жертвы, заявил, что оно все еще билось, когда он его извлек.

После этих слов в зале суда поднялся шум. Судья был вынужден стукнуть молотком, призывая к порядку. Помощник окружного прокурора безуспешно пытался сохранять бесстрастное выражение лица. По мнению Алекса, ему следовало выдвинуть обвинение не в обычном убийстве, а в непредумышленном. Доказать умышленное убийство в данном случае было невозможно. И конечно, принятию обвинительного вердикта не способствовал тот факт, что сама жертва уже не могла дать никаких показаний.

Впрочем, несмотря на эти нестыковки, окружной прокурор произнес блестящую заключительную речь, в которой попросил присяжных вынести обвинительный приговор. Независимо от того, осталась ли жертва жива или умерла в результате действий обвиняемого, Пол Рейес был виновен в том, что лишил жизни другого человека и должен понести за это наказание.

Адвокату оставалось лишь в очередной раз напомнить присяжным, что, когда жертва умерла, Пол Рейес уже находился за решеткой.

После трех дней слушания свидетельских показаний дело было передано присяжным для рассмотрения. Через четыре часа восемнадцать минут было объявлено, что присяжные приняли вердикт. Алекс вернулся в зал суда одним из первых.

По лицам присяжных, пока те гуськом входили в зал, он попытался определить вердикт, однако те сохраняли бесстрастное выражение.

Обвиняемому велели встать для оглашения приговора; в зале суда воцарилась тишина. Не виновен.

Колени Рейеса подкосились, но его тотчас поддержал под руку ликующий адвокат. Родственники и друзья бросились его обнимать. Судья поблагодарил присяжных и сказал, что они могут быть свободны.

Репортеры устремились к оправданному Рейесу, но его адвокат, не обращая на них внимания, повел своего подзащитного к выходу. Приблизившись к тому месту, где сидел Алекс, Рейес, должно быть, почувствовал на себе его взгляд.

Он внезапно остановился и повернул голову. На какое-то мгновение их взгляды встретились.

Глава 6

Май 1991 года

Есть. Спать. Дышать. Эти основополагающие функции организма теперь осуществлялись механически. Стоит ли о чем-то беспокоиться? Жизнь больше не имела смысла.

Ни в чем нельзя найти утешения. Ни в религии, ни в медитации, ни в работе, ни в изнурительных физических упражнениях, ни в приступах ярости. Все это уже было перепробовано ради вытеснения мучительной утраты. И все же боль никуда не делась.

Обрести покой было невозможно. Каждый вздох был отягощен печалью. Мир сужился до размера крошечной сферы бесконечных страданий. Этот кокон душевных мук не пропускал сигналов внешнего мира. Ибо мир в одночасье сделался черно-белым, беззвучным, лишенным вкуса и запаха. Боль была так остра, что вызывала атрофию рецепторов.

Безвременная смерть – как это несправедливо! При мысли о ней закипала ярость.

Почему это случилось именно с ними? Ведь они так любили друг друга! Такой любви на свете, кроме этой, в мире не было. Их чистая любовь должна была длиться вечно, а затем продолжаться и после их смерти. Они часто говорили об этом и клялись друг другу в вечной любви.

Отныне бессмертие их любви стало невозможным. Тайник, в котором она хранилась, опустошен и отдан в пользование другим людям.

Какой ужасный посмертный вандализм! Сначала отняли жизнь, затем бессовестно лишили самой сути существования, ограбили комнату, в которой обитал нежный призрак любви.

И вот теперь любимое сердце бьется где-то внутри чужого человеческого тела.

Тесная комнатка наполнилась стонами:

– Мне этого не пережить. Не пережить.

Любимый человек покоится сейчас в могиле, а вот сердце его живет. Сердце живет дальше. Эта мысль не давала ему покоя, преследуя по пятам день и ночь. Убежать от нее невозможно.

Скальпель хирурга был быстр и ловок. Как ни больно об этом думать, но содеянного уже не повернуть вспять. Сердце продолжало жить, в то время как душа была несправедливо обречена на вечную незавершенность. Она без конца будет тщетно искать свое обиталище, а сердце, все еще живое, продолжит насмехаться над таинством смерти. Если только не...

О нет. Выход есть! Стоны мгновенно прекратились.

Его охватило волнение. Дыхание участилось. Сознание ожило, и в голове замелькали мысли. Смелые, почти безумные. Он прислушался к внутреннему голосу.

Идея ожила, приняла четкие формы и стремительно пошла в рост, как только что оплодотворенная яйцеклетка. Едва родившись, она разгулялась внутри мозга, который от отчаяния долгие месяцы находился в состоянии летаргического сна.

Теперь у него есть способ освободиться от невыносимой муки. Только один способ. Одно решение, которое стремительно оформилось из жалкого зародыша в полноценную идею. Идея, в свою очередь, преобразовалась в слова. Он произносил их шепотом, в строго определенном порядке, с почтением ученика, как апостол, которому открылась некая божественная миссия.

– Да. Конечно, конечно. Я найду это бесценное сердце. И тогда милосердно и с любовью сделаю все, чтобы воссоединить наши души и обрести покой. Я остановлю его.

Глава 7

10 октября 1991 года

Кэт Делани подобно экзотической бабочке порхала по залу, время от времени останавливаясь, чтобы поболтать с кем-нибудь из гостей. Все, с кем она разговаривала, были поражены ее энергией и жизнелюбием.

– Она бесподобна!

Доктор Дин Спайсер, исподтишка наблюдавший за Кэт, повернулся к тому, кто произнес эту фразу. Дин постоянно сопровождал Кэт на бесчисленных мероприятиях и знал многих из тех, с кем она работала. Однако этот высокий мужчина с выразительным лицом был ему не знаком.

– Да, она бесподобна, – вежливо отозвался он.

– Мое имя Билл Вебстер, – сказал незнакомец. Дин, в свою очередь, представился, и они обменялись рукопожатиями. – Вы, как я понимаю, кардиолог мисс Делани?

– Сначала так и было, – ответил Дин, польщенный тем, что его узнали. – Прежде чем наши отношения перешли на новую стадию.

Вебстер понимающе улыбнулся, затем снова посмотрел на Кэт.

– Она просто прелесть.

Кто же такой этот Вебстер, подумал Дин, и почему его пригласили на это закрытое мероприятие, устроенное телекомпанией в честь первой годовщины ее успешной операции по пересадке сердца.

Присутствовали не только главы филиалов телеканала, но также спонсоры, журналисты, агенты по подбору новых талантов, сами актеры и другие люди, прямо или косвенно заинтересованные в успехе «Коридоров».

– Откуда вам известно мое имя? – спросил заинтригованный Дин.

– Вы недооцениваете свою популярность, доктор Спайсер. Вы теперь почти такая же звезда, как и ваша подопечная.

– Это все желтая пресса, – ответил Дин с деланой скромностью. На самом деле ему нравилось быть героем светской хроники, ощущать себя «важным другом» Кэт Делани, как недавно окрестила его очередная голливудская газетенка.

– Что, однако, не помешало вам остаться известным кардиологом, – заметил Вебстер.

– Благодарю вас, – ответил Дин и, секунду помолчав, добавил: – Увы, я не могу гарантировать всем моим пациентам столь блестящий результат, как у Кэт. Ее выздоровление сродни чуду.

– То есть вас это удивляет?

– Ничуть. Это было вполне предсказуемо. Кэт не только исключительная пациентка, но также и исключительный человек. Как только первые, самые трудные недели остались позади, – продолжил Дин, – она вознамерилась прожить долгую-долгую жизнь. Думаю, так и будет. Главное ее богатство – неиссякаемый оптимизм. Она – гордость трансплантационной программы нашей клиники.

– Насколько я понимаю – мисс Делани активный пропагандист операций по пересадке органов.

– Она призывает к сознательному донорству и часто навещает пациентов, которые ждут своей очереди на пересадку органов. Когда они падают духом, она подбадривает их, советует не терять надежды. Они смотрят на нее как на ангела. – Доктор Спайсер улыбнулся. – Увы, они не знают ее так хорошо, как я. У нее бурный темперамент, что свойственно рыжеволосым женщинам.

– Но, несмотря на ее темперамент, вы по-прежнему ее преданный обожатель.

– Именно. Вообще-то мы скоро собираемся пожениться.

Это заявление не совсем соответствовало истине. Это он был не прочь жениться на Кэт. Она же продолжала увиливать от прямого ответа на его предложение. Дин не раз умолял ее перебраться к нему в дом на Беверли-Хиллз, она же продолжала обитать в своем бунгало в Малибу. По ее словам, океан обладал удивительными терапевтическими свойствами, благотворно влияя на ее физическое и душевное здоровье. «Я обретаю силу от одного только взгляда на его ширь». Кэт также утверждала, что независимость крайне важна для ее здоровья.

Независимость была хлипким предлогом не связывать себя узами брака. Дин, разумеется, не станет приковывать ее кандалами к кухонной плите после того, как она станет его женой. Более того, он требовал, чтобы она продолжала свою телевизионную карьеру. Менее всего на свете он желал превратить ее в обычную домохозяйку.

В некотором смысле они нашли друг друга. Их не преследовали призраки прошлых любовных увлечений. Окончательно восстановившись после операции, Кэт с радостью обнаружила, что они с Дином идеальные сексуальные партнеры. Каждый был самостоятелен в финансовом плане – оба имели примерно одинаковый уровень доходов. Дин не видел причин, почему она постоянно отвергала его предложение.

Раньше он терпеливо уступал ее прихотям, но теперь, когда в ее груди бьется новое сердце, а ее звездный статус в «Коридорах» утвердился окончательно, он непременно нажмет на нее, чтобы добиться согласия на их брак.

Дин поклялся, что не сдастся до тех пор, пока Кэт Делани не станет его женой.

– Тогда поздравления вполне уместны, – улыбнулся Вебстер и поднял бокал с шампанским.

Дин ответно улыбнулся ему, и они чокнулись бокалами.

Слушая вполуха преувеличенно восторженные слова представителя рекламного отдела о ее несравненном мужестве – в лице Кэт Делани он первый раз держал за руку человека, перенесшего пересадку сердца, – она оглянулась через плечо и увидела, что Дин вот уже несколько минут разговаривает с солидного вида мужчиной. Она не знала, кто он такой, и в ней проснулось любопытство.

– Спасибо вам за открытки, которые вы присылали мне в больницу. – Кэт потихоньку высвободила руку из рукопожатия своего собеседника. – А сейчас прошу извинить меня. Я заметила старого друга, которого давно не видела.

С легкостью опытного дипломата Кэт принялась прокладывать себе путь в толпе. Несколько человек попытались втянуть ее в разговор, однако с каждым она задержалась лишь на мгновение – обменяться любезностями и ответить на поздравления и комплименты.

Поскольку до операции Кэт выглядела не лучшим образом, ей казалось, что ее сегодняшнее высокомерие вполне оправданно: этим вечером она выглядела просто потрясающе. Волосам вернулся прежний блеск, хотя они и потемнели от стероидов, которые ей пришлось принимать сразу после операции. Сегодня она уложила их в мягкий, как бы небрежный узел.

Ее глаза, которые журналисты называли «синими, как лазерный луч», благодаря искусно наложенной косметике казались огромными. Кожа была здоровой и гладкой. Общий эффект усиливало обтягивающее черное мини-платье в блестках, оставлявшее голыми руки и спину.

Конечно же, платье имело высокое горло, которое застегивалось сзади на шее. Кэт решила, что ей незачем демонстрировать свою «молнию», шрам, протянувшийся вертикально, от впадины между ключицами до центра грудины, где разделялись ребра. Каждая вещь ее гардероба выбиралась специально, чтобы скрыть операционный шрам. Дин настойчиво уверял ее, что шрам почти не виден и с каждым днем становится все незаметнее, но Кэт по-прежнему отчетливо его видела.

Впрочем, она понимала: след от операции – незначительная цена за новое сердце. И то, что она его стесняется, – не более чем пережиток прошлого, «привет» из далекого детства, когда ее за живое задевали насмешки одноклассников. Болезнь сделала ее предметом нездорового любопытства, как и сейчас, когда ей пересадили новое сердце. Ей же меньше всего хотелось вызывать к себе жалость. Именно это и ничто другое заставляло ее тщательно скрывать шрам.

Кэт прекрасно чувствовала себя этим вечером. Однако она понимала: отныне никогда она не сможет воспринимать хорошее самочувствие как должное. Воспоминания о болезни были живы в ее сознании. Спасибо судьбе за то, что она все еще жива и может работать. Возвращение к роли Лоры Мэдисон и те физические требования, которые эта роль налагала, не вызвали у нее проблем со здоровьем. Сейчас, когда после операции прошел год, Кэт чувствовала себя как никогда хорошо.

Улыбаясь, она приблизилась сзади к Дину и взяла его под руку.

– Почему два самых симпатичных мужчины в этом зале лишают всех остальных своего общества?

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарил ее Дин.

– И от меня спасибо, – произнес его собеседник. – Признаюсь честно. Приятно получить комплимент от самой красивой женщины этого вечера.

Кэт сделала шутливый книксен, улыбнулась и протянула руку:

– Я – Кэт Делани.

– Билл Вебстер.

– Из?..

– Сан-Антонио, Техас.

– А-а-а... Вспомнила! Телеканал «Дабл Ю-Дабл Ю-Эс-Эй»! Вы тот самый Вебстер. – Кэт повернулась к Дину и шепнула ему театральным шепотом: – Большой босс. Владелец и президент телеканала. Иными словами, тот, перед кем заискивают.

Вебстер добродушно усмехнулся.

Его имя было хорошо известно в деловых кругах и пользовалось уважением. На вид ему было лет пятьдесят пять. На висках благородная седина, загорелое открытое лицо. Кэт с первого взгляда прониклась к нему симпатией.

– Вы ведь не коренной техасец, верно? – уточнила она. – Или же вы тщательно скрываете акцент.

– У вас прекрасный слух.

– И красивые ноги, – подмигнула ему Кэт.

– Согласен, – тут же заявил Дин.

Вебстер снова рассмеялся.

– Вообще-то я родом со Среднего Запада. В Техасе живу пятнадцать лет. Он стал моим вторым домом.

– Спасибо, что оторвали себя от дел и прилетели через всю страну на эту вечеринку, – искренне поблагодарила его Кэт.

– Пропустить ее было бы преступлением, – пошутил Вебстер и кивнул на Дина. – Мы с доктором Спайсером как раз говорили о вашем удивительном исцелении.

– Это его заслуга, – заметила Кэт и улыбнулась Дину. – Он, как и все врачи и медсестры клиники, сделали все от них зависящее. Я была всего лишь подопытным кроликом на операционном столе.

Дин обнял ее за тонкую талию и с гордостью произнес:

– Кэт была идеальной пациенткой, сначала для меня, а затем для доктора Шолдена. Я передал ему Кэт, как только наши с ней отношения достигли той точки, где медицинские соображения могли... э-э-э... отойти на второй план. Результат вы видите сами.

Кэт театрально вздохнула:

– Видели бы вы меня до того, как мне снизили дозу стероидов, будь они неладны. Разумеется, пришлось лишиться усов и пухлых щек, как у бурундука, но нельзя же одновременно иметь все на свете.

Побочные эффекты приема стероидов исчезли, как только ей снизили дозировку. Она набрала потерянные фунты и теперь держала свой идеальный дооперационный вес.

Еще до того, как шрам-«молния» стал неотъемлемой частью ее тела, такая худышка, как она, не имела шансов попасть на журнальный разворот. Тощая и угловатая в детстве, даже повзрослев, она не округлилась подобно другим, что стало для нее источником постоянных несчастий. Ее главными достоинствами были правильные черты лица и огненно-рыжие волосы. Со временем Кэт научилась выигрышно их использовать. Телекамеры просто «обожают» ее.

– Я ваш горячий поклонник, мисс Делани, – признался Билл Вебстер.

– Называйте меня просто Кэт, – предложила она. – Горячих поклонников я люблю больше всего.

– Лишь важная деловая встреча способна помешать мне посмотреть очередную серию «Коридоров».

– Вы мне льстите.

– Считаю, что своим успехом сериал обязан в первую очередь вам и вашей героине Лоре Мэдисон.

– Спасибо, но вы излишне щедры в ваших похвалах. «Коридоры» были популярны еще до того, как сценаристы вписали в сюжет образ Лоры Мэдисон. Да и в мое отсутствие рейтинги у сериала были высокие. Я по мере моих скромных сил способствую успеху сериала. Но он создается усилиями всех причастных к его созданию: актеров, сценаристов, операторов.

Вебстер удивленно посмотрел на Дина:

– Она всегда так скромна?

– Боюсь, что даже излишне.

– Вам крупно повезло.

– Эй, послушайте, – вклинилась в их разговор Кэт, – считаю своим долгом предупредить вас. Если я чего-то не люблю, так это разговоров обо мне в моем же присутствии, как будто я невидимка.

– Простите, – поспешил загладить оплошность Вебстер. – Просто мы продолжили разговор, который вели до вашего появления. Я только что поздравил доктора Спайсера с предстоящим браком.

Улыбки Кэт как не бывало. Внутри у нее все заклокотало от ярости. Дин уже не в первый раз упомянул их гипотетическую помолвку. Высокая самооценка не позволяла ему серьезно воспринимать ее вежливое, но твердое «нет» в ответ на неоднократные предложения руки и сердца.

Вначале их дружба поставила под удар его объективность как ее личного кардиолога. На протяжении всей болезни и первых дней после операции их дружба служила Кэт хорошей поддержкой. В последний же год их отношения переросли в нечто более глубокое и серьезное. Дин был ей важен как друг, однако он с завидным упорством продолжал неверно истолковывать природу ее любви к нему.

– Спасибо, Билл, но мы с Дином еще не определились с точной датой.

Несмотря на ее попытку скрыть свое раздражение, Вебстер, видимо, его уловил.

– Здесь много людей, ожидающих вашего к себе внимания, Кэт, так что я, наверно, пожелаю вам спокойной ночи, – сказал он, деликатно прочистив горло.

Кэт протянула ему руку:

– Была рада познакомиться с вами, Билл. Надеюсь, наши дороги когда-нибудь пересекутся.

– Можете рассчитывать на это, – пообещал он в ответ, пожимая ей руку.

Кэт тоже в это верилось.

Глава 8

10 октября 1991 года

Вскоре после полуночи они решили, что наигрались в видеоигры.

После полумрака аркады, в котором лица были почти неразличимы, яркий свет пустого торгового центра слепил и резал глаза. Потребовалось время, чтобы к нему привыкнуть. Почему-то это их даже рассмешило.

Большая часть магазинов и кафе уже давно закрылись. Их голоса гулким эхом разносились по огромному атриуму торгового центра. Зато как здорово, что не нужно кричать, пытаюсь перекрыть электронную какофонию игрового зала.

– Ты уверен, что все будет в порядке?

Джерри Уорд одарил своего нового знакомого нахальной улыбкой, какой могут улыбаться лишь счастливые, уверенные в себе подростки.

– Мои предки уже спят. Они не ждут, когда я приду домой.

– Ну, я не знаю. С чего ты вдруг запросто пригласил меня к себе в гости? Ведь мы с тобой почти не знакомы.

– А разве это не способ познакомиться ближе? – Джерри понял, что нужно добавить пару убедительных фраз. – Слушай, тебя ведь только что уволили и тебе нужна работа, верно? У моего старика свой бизнес. Он всегда берет новых работников. Он и для тебя найдет что-нибудь.

Тебе же нужно где-то кинуть кости на ночлег? Вот и сэкономишь баксы, заночевав у меня. Если ты паришься из-за моих предков, то я тебя рано утром выведу из дома, и они ничего не заметят, а тебя познакомлю с ними потом. Им и не нужно знать, что ты ночевал у меня. Так что расслабься.

Он рассмеялся и широко раскинул руки.

– Ну что, успокоился?

Дружелюбие Джерри было заразительным, и он получил в ответ неуверенную улыбку.

– Да, я спокоен.

– Отлично. Ты только посмотри на эти ролики! – сказал Джерри, подбежав к витрине магазина спортивных товаров. Там были выложены роликовые коньки и сопутствующая экипировка – шлемы, наколенники, налокотники и прочее. – Видишь вон те, с зелеными колесиками? Крутые. Хочу себе такие в подарок на Рождество. И шлем, и прочие прибабасы.

– Никогда не катался на роликах. На них недолго сломать себе шею.

– Точно так же говорит и моя маман, но я думаю, что на Рождество я ее все-таки на них расколю. Она так радуется, что я наконец взялся за ум, что непременно захочет сделать мне приятное.

Прежде чем пойти дальше, Джерри бросил на витрину последний взгляд.

– Как это понять, взялся на ум?

– Да так, пустяки.

– Извини, я не хотел влезать не в свое дело.

Джерри и не думал обижаться. Но он столько лет в глазах окружающих был недоделком. И хотя теперь он не такой, он люто ненавидел, когда ему об этом напоминали.

– Понимаешь, в детстве я болел. То есть по-настоящему. С пяти лет и до прошлого года. Точнее, год будет завтра. Маман даже решила отпраздновать это дело.

– Что именно? Извини за любопытство.

Они подошли к выходу. Дежурный охранник сидел на скамейке и, похоже, спал. Джерри повернулся к своему новому другу. На лице его читалось сомнение.

– Если я тебе скажу, обещаю, что не станешь считать меня недоделком.

– С чего ты взял, что я должен тебя им считать?
– Знаешь, некоторые пугаются, когда узнают об этом, – сказал Джерри и для смелости набрал полную грудь воздуха. – У меня пересаженное сердце.
Это признание было встречено недоверчивым смехом.
– Клянусь тебе. Я болел и чуть не умер. Мне пересадили сердце как раз вовремя.
– Ты это серьезно? Не врешь? О господи!
– Вот-вот, – рассмеялся Джерри. – Мои старики уверены, что так пожелал сам Господь.
Пошли.

Распахнув дверь, они шагнули навстречу холодному сырому ветру.
– Вот, черт! Снова этот дождь. Каждый раз, когда идет дождь, речка выходит из берегов.
Где твоя машина?

– Вон там.
– Моя почти там же, недалеко от твоей. Хочешь, я схожу вместе с тобой?
– Нет. Ты просто подъезжай к «Сиэрсу». Оттуда я поеду следом за тобой.
Показав ему большой палец, Джерри натянул через голову ветровку и бросился под ливень. Он не заметил, как его новый знакомый оглянулся на спящего охранника.
После удачной операции родители Джерри купили сыну новенький пикап. Гордо подкатив на нем к «Сиэрсу», он дважды нажал на клаксон и посмотрел в зеркало заднего вида. Через минуту к нему сзади пристроилась машина его нового друга.

Проезжая по знакомым улицам, что вели из пригородов Мемфиса в сельскую местность, Джерри весело подпевал автомобильному радио и даже от себя добавил несколько звуков басовой перкуссии. Он ехал на умеренной скорости, чтобы сильно не отрываться от машины, катившей за ним следом. Если не знать здешних дорог, в темноте можно в два счета заблудиться.

Приблизившись к узкому мосту, он сбросил скорость. Как он и предполагал, река разбухла и превратилась в бурный поток. Джерри уже почти доехал до середины моста, когда кто-то врезался в его пикап сзади.

– Какого черта?!.

От толчка Джерри резко бросило вперед, но ремень безопасности удержал его на сиденье. Он дернулся назад. Шею тотчас пронзила боль, как будто кто-то вогнал в нее горячую спицу.

Вскрикнув от боли, он выпустил из рук руль и рефлекторно схватился за шею. В следующий миг второй автомобиль еще раз с силой врезался в его задний бампер.

Раздался треск. Это пикап пробил шаткие деревянные перила. Еще мгновение, и он рухнул в бурлящую, темную воду. Быстрое течение хлестко ударило по ветровому стеклу.

Хрипло вскрикнув, Джерри схватился за защелку ремня. Тот с громким щелчком растянулся. В темноте он потянулся к ручке дверцы и отчаянно дернул ее на себя, но тут же вспомнил, что при работающем моторе двери автоматически блокируются. Черт!

Вода тем временем уже подобралась к коленям. Он поднял ноги и ударил ими в окно со стороны водительского сиденья, ударил изо всех сил. Стекло треснуло. Полностью же разбила его мощь огромной массы воды.

Вода хлынула внутрь, в считанные мгновения заполнив собой кабину грузовика.

Джерри задержал дыхание, хотя и понимал: жить ему остались считанные секунды. Смерть, которую он волшебным образом несколько раз обманывал в детстве, наконец предъявила на него свои права.

Он уже на пути к Иисусу. Скоро они встретятся. Если быть точным, на эту встречу его отправил его новый знакомый. Знакомый ли?

Последняя мысль Джерри Уорда была окрашена недоумением и обидой.

Почему?

Глава 9

Лето 1992 года

– Ты сердишься. – Это был явно не вопрос.

Кэт продолжала смотреть в ветровое стекло «Ягуара».

– Как ты догадался?

– За последние двадцать минут ты не проронила ни слова.

– Потому что за меня говоришь ты. В очередной раз ты сделал заявление о нашей свадьбе.

– Кэт, я всего лишь во время ужина поддержал разговор с женщиной, сидевшей рядом.

– С женщиной, которая затем в туалете прицепилась ко мне с расспросами о подробностях. – Она посмотрела Дину в глаза. – Ты заставил ее поверить в то, что наша свадьба неминуема. Но ведь ирония судьбы состоит в том, что никаких планов пожениться у нас нет.

– Как это нет? Есть.

Кэт собралась было возразить, но Дин уже свернул на подъездную дорожку, что вела к его дому. В следующий момент входная дверь распахнулась, и на крыльце выросла домоправительница. С улыбкой поздоровавшись с ней, Кэт шагнула под куполообразный потолок вестибюля. Присутствие в доме прислуги всегда нервировало ее. Дин, напротив, воспринимал это как нечто само собой разумеющееся.

Кэт уже жалела, что согласилась остаться на ночь в его доме. Она пошла на это лишь потому, что вечер грозил затянуться надолго, и не имело смысла ехать в Малибу, чтобы рано утром возвращаться оттуда в студию.

Кэт решила, что если вдруг – у нее возникло такое опасение – они поссорятся, она позвонит в Бель-Эйр и попросит прислать за ней машину. Она направилась в кабинет Дина. Уютный и домашний, он нравился ей больше других комнат в его доме.

– Хочешь что-нибудь выпить? – предложил Дин, входя вслед за ней.

– Нет, спасибо.

– Что-нибудь перекусить? Я заметил, ты почти ничего не ела за ужином, так как увлеклась разговором с Биллом Вебстером.

Кэт пропустила его слова мимо ушей. После их первой встречи она и телемагнат из Техаса несколько раз пересекались по делам, связанным с ее телеканалом. Дин же неверно истолковал характер их отношений.

– Нет, спасибо, я не голодна.

– Я могу попросить Селесту что-нибудь приготовить для тебя.

– Не стоит беспокоить ее.

– Ей платят за то, чтобы ее беспокоили. Чего бы ты хотела?

– Ничего! – отрезала Кэт и тотчас пожалела о своей грубости. Чтобы успокоиться, она сделала глубокий вдох. – Не надо со мной носиться, как с малым ребенком. Если я проголодаюсь, то скажу об этом сама.

Дин вышел из кабинета, чтобы сказать домоправительнице, что та свободна. Вернувшись, он застал Кэт возле окна. Она молча разглядывала сад. Услышав, что он вернулся, она не стала оборачиваться.

Дин осторожно положил ей на плечи руки.

– Извини. Я не ожидал, что ты воспримешь мои слова так близко к сердцу. Почему бы нам не пожениться и тем самым не избавить себя от подобных разговоров?

– Я бы не назвала это веской причиной для нашего брака.

– Кэт, я хочу видеть тебя моей женой совсем не поэтому, – сказал он, поворачивая ее к себе лицом.

О чем бы они ни говорили – о погоде, любимом сорте мороженого, национальном долге, – разговор неминуемо возвращался к этой теме. Кэт закрыла глаза.

– Не хочу сейчас говорить об этом, Дин.

– Хорошо. Подожду. Я терпелив.

– Я знаю.

– Наша свадьба не обязательно должна быть объектом внимания прессы. Мы можем улететь в Мексику или в Лас-Вегас, прежде чем хотя бы один репортер пронюхает о наших намерениях.

– Дело не в этом.

– Тогда в чем же? – с нажимом спросил он. – Только не надо говорить мне, что ты не хочешь расставаться с домом в Малибу или боишься пожертвовать своей независимостью. Это старые заплесневелые доводы. Если ты намерена и дальше отшивать меня, тебе придется придумать более убедительные возражения.

– После операции прошло всего полтора года, – тихо произнесла она.

– И что?

– То, что ты рискуешь обременить себя женой, которая будет проводить большую часть своей жизни, да и твоей тоже, в кардиологической клинике.

– У тебя нет ни единого признака отторжения тканей. Ни единого, – сказал Дин и выразительно поднял указательный палец.

– Но кто поручится, что они не появятся позднее? Некоторые годами живут с пересаженным сердцем, а потом бац! Без какой-либо видимой причины начинается отторжение.

– Некоторые умирают от причин, не имеющих отношения к сердцу. Вообще-то любого человека с вероятностью один на миллион может убить разряд молнии.

– Я говорю серьезно.

– И я тоже. – Он немного смягчил тон. – Немало людей с пересаженным сердцем прожили по двадцать лет без признаков отторжения, Кэт. Эти люди получили новое сердце, когда подобные операции были в новинку, когда они находились еще в экспериментальной стадии. С тех пор медицинские технологии ушли далеко вперед. У тебя есть шанс прожить нормальную полноценную жизнь.

– И каждый день этой «нормальной жизни» ты будешь отслеживать основные показатели работы моего организма.

Дин озадаченно посмотрел на нее.

– Прежде чем стать твоим другом и любовницей, Дин, я была твоей пациенткой. Думаю, ты всегда будешь видеть во мне пациентку.

– Нет! – решительно возразил он.

Так она ему и поверила! Дин покровительственно возвышался над ней, как постоянное напоминание о том, что она когда-то была хрупкой и уязвимой. Он по-прежнему обращался с ней как с хрустальной вазой. Даже когда они занимались любовью, он вел себя так, будто она в любое мгновение рассыплется. Его сдержанность раздражала, вызывала ощущение, будто ее обманывают, а не лелеют. Что, в свою очередь, охлаждало ее собственную страсть.

Из опасения обидеть его она молча подавляла свое раздражение. В душе ей хотелось одного: чтобы он относился к ней как к женщине, а не как к пациентке с пересаженным сердцем. Однако требовать этого от Дина, по всей видимости, было бессмысленно.

И все же Кэт знала: его избыточное внимание к ней было всего лишь поводом. Истинная проблема заключалась в том, что она его не любила. По крайней мере, не так, как любят человека, с которым хотят соединить судьбу. Жизнь была бы намного проще, если бы она его любила. Временами ей страстно хотелось его полюбить, но увы.

Она всегда пыталась щадить чувства Дина, пока не почувствовала, что устала. Лучше быть открытой и честной.

– Я не хочу за тебя замуж, Дин. Я хорошо к тебе отношусь. Если бы не ты, я никогда бы не выкарабкалась из моего плачевного состояния. – Пару мгновений помолчав, она мягко добавила: – Но я не могу сказать, что по уши в тебя влюблена.

– Понимаю. Кстати, я от тебя этого и не жду. Оставим любовь подросткам. Мы давно не в том возрасте, чтобы верить в романтическую чушь. Зато мы можем составить хорошую команду.

– Команду, – эхом повторила Кэт. – Это мне тоже не нравится. Я никому не принадлежу с восьми лет, когда мои родители... умерли.

– Это еще одна причина, чтобы я взял на себя заботы о тебе.

– Не надо обо мне заботиться! Я хочу оставаться собой, хочу быть Кэт. Новой Кэт. Здоровой, сильной Кэт. Я делаю все для этого каждый день, как только у меня появилось новое сердце. Я еще привыкаю к той женщине, которая поднимается вверх по лестнице, а не в лифте. Которая может вымыть голову за три минуты, а не за тридцать, как раньше.

Она прижала к груди сжатые в кулаки руки – к тому месту, где билось ее новое сердце.

– Время приобрело для меня новое измерение, Дин. Оно бесценно. Я ревниво оберегаю время, которое провожу наедине с собой. Пока я не узнаю до конца эту новую Кэт Делани, я не хочу делить его ни с кем.

– Понятно, – сухо ответил Дин, скорее обиженно, нежели с сочувствием.

– Перестань дуться, – улыбнулась Кэт. – Этим меня не разжалобить. Тебе не придется страдать, если мы не поженимся. Во мне ты больше всего любишь мою известность. Ты наслаждаешься тем, что купаешься в лучах моей славы, тебе нравится посещать голливудские премьеры, бывать в обществе телезвезды в легендарном ресторане «Спаго». – Кэт шутливо приняла манерную «звездную» позу: одну руку положила на бедро, а другую закинула за голову. Дин рассмеялся, и его глуповатая ухмылка показалась Кэт чем-то вроде письменного признания вины. – Признайся честно, Дин. Будь я кассиршей в супермаркете, неужели ты сделал бы мне предложение? – Она давно его раскусила, и оба прекрасно это знали.

– Ты холодная женщина, Кэт Делани.

– Я говорю правду.

Будь природа любви Дина к ней иной, она давно бы порвала с ним отношения, чтобы избавить его от душевных мук. К тому же он сам признался, что любит ее в меру своей способности любить. Не более того.

Дин обнял ее и поцеловал в лоб.

– И все же я люблю тебя, Кэт, и по-прежнему хочу, чтобы ты стала моей женой, но пока что я тебе уступаю. Тебя это устраивает?

Они так ничего и не решили, но, по крайней мере, Кэт получила новую «отсрочку».

– Устраивает.

– Отлично. – Дин обнял ее крепче. – Готова лечь?

– Пожалуй, перед сном поплаваю в бассейне.

– Составить тебе компанию?

Дин был не любитель плавать, а жаль, так как бассейн у него был просто шикарный, чем-то похожий на тропическую лагуну.

– Не надо. Ступай вверх. Я скоро приду.

Дин зашагал по лестнице на второй этаж. Кэт вышла в двери террасы и по мощенной камнем дорожке направилась через ухоженный сад к бассейну. Нисколько не смущаясь, она расстегнула и сбросила с себя платье. Затем, стянув чулки и трусики, голышом скользнула в восхитительно прохладную воду. Ощущение это успокаивало и очищало. Возможно, ей удастся смыть с себя гнетущую неудовлетворенность, одолевавшую ее последние месяцы, как из-за Дина, так и из-за всего прочего в ее жизни.

Немного проплыв вперед, Кэт перевернулась на спину. Она еще не устала удивляться тому, что может плыть, не задыхаясь и не опасаясь того, что сердце в любое мгновение остановится. Еще полтора года назад она не могла поверить, что подобное возможно. Она была готова умереть. И умерла бы, не умри перед ней кто-то другой.

Эта мысль прочно засела в ее сознании, и все равно, стоило ей вспомнить об этом, ее как будто пронзало током. Вот и сейчас эта злодейка вынудила Кэт спешно выбраться из бассейна. Дрожа, она на цыпочках зашла в кабинку для переодевания и завернулась в огромное полотенце.

Однако мысль неотвязно преследовала ее. Чья-то смерть подарила ей жизнь.

Кэт ясно дала понять Дину и всем его сотрудникам, делавшим ей операцию: она ничего не желает знать о человеке, чье сердце теперь бьется в ее груди.

Сама она старалась не думать о доноре как о человеке, у которого наверняка имелись родные и близкие, которые согласились на такую жертву ради того, чтобы она могла жить. Когда же она все-таки позволяла себе такие мысли, сомнения казались ей этаким Эверестом эгоизма и жалости к себе. Да, одна жизнь оборвалась, зато она получила новую.

Кэт опустила в шезлонг и, закрыв глаза, стала считать, сколько раз в жизни испытывала счастье. Она преодолела горести трудного детства, добилась осуществления заветной мечты. Она была на пике своей карьеры и работала с талантливыми людьми, которые любили ее и восхищались ею. У нее было более чем достаточно денег, и она ни в чем не испытывала нужды. Ее любил и хотел красивый, культурный, уважаемый кардиолог, который ведет жизнь богатого принца.

Тогда откуда это беспокойство, которое она не может ни объяснить, ни выбросить из сознания? Жизнь, которая так нелегко ей досталась, теперь казалась бесцельной и бессмысленной. Ей не доставало чего-то такого, чему она не могла дать названия, была не в состоянии определить для себя, что это такое, что ускользало от ее понимания.

Чего же такого ей хочется, чего у нее нет? Что еще она может просить у судьбы, если уже получила в дар жизнь?

Кэт резко выпрямилась. Внезапное озарение наполнило ее новой энергией.

Сомнения в себе могут стать положительным стимулом. В самоанализе нет ничего плохого, а вот фокус ее самоанализа явно неправильный.

Что, если, вместо того чтобы просить большего для себя, она должна спросить судьбу, что она может дать другим?

Глава 10

10 октября 1992 года

В ее доме всегда пахло так, будто она только что испекла что-то в духовке. Этим утром это был запах пирожных с цукатами. Золотистые, присыпанные сахарной пудрой, они остужались на проволочной подставке на кухонном столе рядом со слоеным шоколадным тортом и двумя пирогами с фруктовой начинкой.

На распахнутых окнах с противомоскитной сеткой трепетали на ветру занавески. На холодильнике – прижатые магнитиками открытки-валентинки из красного картона и ажурные бумажные салфетки, изображения индейки на День благодарения в контурах маленьких детских ладошек и рождественских ангелочков с крылышками, напоминающих хэллоуинских летучих мышей. Все это – творчество ее многочисленных внуков.

Она ответила на стук в заднюю дверь, улыбнулась и жестом пригласила гостя войти.

– От ваших ароматов все соседи уже пускают слюнки. Мой нос почуял их, едва я вышел из дома.

Ее пухлое лицо покраснело от жара духовки. Она улыбнулась, и вокруг ее живых, простодушных глаз появились лучики морщинок.

– Угощайтесь, пока они горячие.

Она жестом указала на булочки.

– Нет-нет, что вы. Вы испекли их к вашему вечернему торжеству.

– Ну, хотя бы одну. Мне нужно услышать ваше мнение. Только честно.

С этими словами она взяла булочку и протянула ее гостю.

Зная, что будет невежливо отказаться, гость принял ее угощение.

– Мм-м. Просто тает во рту. Очень вкусно. Такие же, как когда-то пекла моя бабушка.

– Вы никогда не рассказывали мне о вашей семье. Во всяком случае, ни разу за те три месяца, что живете рядом с моим домом.

Повернувшись к гостю спиной, хозяйка принялась мыть миски, где замешивалось тесто, и мерные стаканы, которые до этого отмокали в кухонной раковине.

– Да особенно нечего рассказывать. Отец был военным. В годы моего детства мы часто переезжали с места на место. Двенадцать классов в двенадцати разных школах.

– Должно быть, это тяжело для ребенка. – Жизнерадостная улыбка исчезла, уступив место сочувственно нахмуренным бровям.

– Внимание, королевский приказ! Сегодня запрещено говорить о грустном! Сегодня объявляется днем праздника. Это ваш день.

Хотя ей было далеко за пятьдесят, она хихикнула словно девчонка.

– Мне так много всего нужно сделать до вечера. Фред рано придет с работы. Обещал быть дома в два часа. Дети приезжают вместе со своими семьями к пяти.

– Вам одной не справиться с приготовлениями. Давайте я вам помогу. Говорите, что нужно делать. У меня сегодня как раз выходной, специально взял его ради такого дела, так что я полностью в вашем распоряжении.

– Вам не нужно было этого делать! – воскликнула она. – Ваш босс будет зол на вас!

– Ну и пусть, это его проблемы. Я сказал ему, что мне повезло жить рядом с удивительной женщиной и, нравится ему это или нет, но я помогу ей отпраздновать вторую годовщину операции по пересадке сердца.

Его слова тронули ее до глубины души. В ее глазах блеснули слезы.

– Судьба была милостива ко мне. Когда я думаю о том, насколько близко я была...

– Нет, нет, не надо об этом! Думайте только о хорошем. С чего начнем?

Промокнув кружевным носовым платком глаза, она снова сунула его в карман передника.

– Уговорили. Если вас не затруднит, можете начать расставлять дополнительные складные стулья, а я пока полью цветы.

– Покажите, куда мне пройти.

Они прошли в гостиную. Здесь было уютно и светло. В одной из стен была скользящая дверь, выходящая во внутренний дворик. Прямо перед ней с потолка свисал «бостонский нефролепис». Его нарочно повесили там, чтобы он ловил лучи утреннего солнца.

– До него несложно дотянуться, – пояснила хозяйка. – Я обычно пользуюсь лестницей-стремянкой.

С того момента, как в Мемфисе в автокатастрофе погиб парень по фамилии Уорд, прошел год. Двенадцать месяцев тщательной подготовки подошли к концу. Хотя необходимость ждать раздражала, спешка в этом деле была еще опаснее. Методичность – вот в чем залог его успеха. Без дисциплины и порядка эта задача обернулась бы безумием.

Самое долгое ожидание – это часы после вчерашней полуночи. Они тянулись столько же долго, как все остальные вместе взятые. Сгорая от нетерпения, он вел счет даже секундам. Теперь это изматывающее ожидание близится к концу. До полного его окончания остаются считанные минуты.

Смотри, любовь моя. Я делаю это ради тебя. Это демонстрация любви, победить которую не может даже смерть.

– Лестница-стремянка. Удобная вещь.

Глава 11

Ноябрь 1993 года

– Я даже не звонил в дверь.

– Я слышала, как подъехала машина, – сказала Кэт и отошла в сторону, пропуская Дина в дом. Затем повернулась спиной и повела за собой в гостиную своего дома в Малибу.

На полке, сделанной специально для этой цели, были выставлены три награды «Эмми». Белые стены пестрели обложками журналов с ее фотографиями. Это была любимая личная комната, излучавшая, несмотря на высокий, как в соборе, потолок и высокие окна, тепло и уют. Построенный в современном стиле, дом стоял на откосе. К берегу океана от него вела деревянная лестница, зигзагом спускаясь вниз по крутому, каменистому склону.

Огонь в камине позволял забыть про холодный пасмурный день. За огромными, от пола до потолка, окнами простирался серый океан. На горизонте водная ширь сливалась с таким же серым небом с низко висящими облаками.

Даже в самую неприятную погоду Кэт неизменно любовалась этим пейзажем. Океан никогда не переставал восхищать ее. Каждый раз, глядя на него, она как будто видела его впервые. Его вечный ритм завораживал, наполнял благоговейным ужасом, гипнотизировал, заставлял ощутить себя ничтожной частичкой бытия по сравнению с величественной природной стихией.

У нее вошло в привычку совершать долгие прогулки вдоль берега. Она часами смотрела на волны, думая о своей жизни, принимала решения, искала в рокоте прибоя ответы на волнующие ее вопросы.

– Хочешь что-нибудь выпить? – предложила она.

– Нет, спасибо.

Кэт вернулась в глубокое кресло, на котором лежал теплый шерстяной плед. Она сбросила его с себя, когда услышала шуршание шин автомобиля. На столике рядом с креслом стояла чашка с травяным чаем и мощная лампа для чтения.

Дин сел в кресло напротив.

– Что это?

– Черновики сценария. Сценаристы телеканала буквально одержимы судьбой Лоры Мэдисон. Все варианты хороши, но печальны. Вместо того чтобы избавиться от Лоры по ходу сюжета, я предложила нанять на эту роль новую актрису. – Кэт вздохнула и пригладила непокорные локоны. – Но они настроены решительно: Лора должна уйти.

– На свете нет такой актрисы, которая смогла бы сыграть эту роль, – заявил Дин. – После тебя Лору уже никто не сыграет. Даже сама Мерил Стрип. Лора Мэдисон – это только ты и больше никто.

Но лицо Дина читалось беспокойство, заметное лишь тем, кто хорошо его знал. Это все из-за нее. Осознание своей вины отравляло ей жизнь.

– Это официальное решение? – спросил он. – Вчера о нем уже сообщили в газетах. Мол, ты уходишь из «Коридоров» по истечении срока твоего контракта. С первого января, насколько я понял.

Кэт молча кивнула. Порывы ветра с силой бились в стеклянные стены, как будто задумали погасить стоявшие на камине свечи. Кэт продолжала сидеть, теребя край шерстяного пледа. Когда она подняла глаза, Дин стоял у окна, устремив взгляд на море. На лице его читалась буря эмоций, столь же сильная, как и неукротимый прибой.

– В какой степени Билл Вебстер повлиял на твое решение?

Кэт помедлила с ответом.

– «Дабл Ю-Дабл Ю-Эс-Эй» – его телеканал.

– Я не об этом спрашиваю.

– Если это намек на то, что наши с ним отношения выходят за рамки профессиональных, то ты глубоко ошибаешься. У меня есть недостатки, Дин, но лгать – не в моей натуре. Если на то пошло, я слишком честна, причем часто себе во вред. К тому же Билл счастлив в браке, у него красивая и обаятельная жена.

По лицу Дина было видно, что слова Кэт его не убедили.

– Я отчаянно пытаюсь понять, почему ты отказываешься от карьеры, от всего того, к чему ты раньше так стремилась. Я рассмотрел твоё решение со всех сторон. И пришел к выводу, что в нем наверняка присутствует некий романтический фактор.

– Но ты ошибся, – выразительно произнесла Кэт. – У Вебстеров шестеро детей. Несколько лет назад они потеряли дочь. Она была их первенцем. И Билл, и его жена тяжело переживали эту утрату.

Я уже давно испытывала неудовлетворенность своей жизнью. Но лишь после того – примерно полгода назад – как Билл рассказал мне о дочери, я поняла, что должна все начать с чистого листа. Жизнь слишком бесценна, чтобы понапрасну терять даже один день.

В тот вечер у нас с Биллом состоялся очень честный, откровенный разговор. Он рассказал мне о том, как потерял дочь. Я же, даже не осознав, что делаю, принялась делиться воспоминаниями детства. Я поведала ему о том, каково это – чувствовать себя сиротой, ощущать на себе «заботу» государства, кочевать из одной приемной семьи в другую, не находя счастья ни в одной из них.

В конечном итоге разговор зашел о программе, которая пользуется успехом в нескольких крупных городах: в выпуски теленовостей включают сюжеты о детях, нуждающихся в приемных родителях. По словам Дина, он хотел бы попробовать сделать нечто такое на его телеканале. Вот тогда я и увидела для себя шанс начать новую жизнь.

У меня и в мыслях не было от тебя это скрывать. Бессчетное число раз я была готова поделиться с тобой моими планами, но, увы, боялась, что ты не станешь меня слушать, откажешься вникать в причины, почему для меня это так важно.

Кэт тихо усмехнулась.

– Мне они и самой не понятны. Просто я это чувствую. Всем своим существом. Я боролась с этой идеей, пыталась от нее избавиться, но она вцепилась в меня и не отпускала. Чем больше я думала о том, сколько детских жизней может спасти такая программа, тем большее волнение меня охватывало.

Я вспоминала, как меня бессчетное количество раз отказывались удочерить из-за моего возраста, пола, состояния здоровья. Порой даже из-за моих рыжих волос.

Сколько детей со специфическими проблемами не имеют любящих родителей. Мысль об этом не давала мне покоя. Я не могла уснуть по ночам. Мне казалось, будто я в темноте слышу их плач. Плач одиноких, никому не нужных малышей. – Кэт печально улыбнулась ему. – Я должна что-то сделать для таких детей. Вот и все.

– Я восхищен твоим филантропическим духом, Кэт. Если ты хочешь усыновить ребенка, причем даже не одного, я не имею ничего против.

Кэт саркастически рассмеялась.

– О представляю! Дин, будь реалистом. Ты прекрасный врач, но тебе не хватает гибкости, а без нее в воспитании детей не обойтись.

– Ты намекаешь на разницу между тобой и?..

– Нет, не это. Поверь мне, если бы судья доверил мне – человеку с чужим сердцем в груди – воспитание ребенка, я бы уже давно кого-нибудь усыновила. Но дело не в этом. «Дети Кэт» преследуют иную цель – убеждать людей, что усыновить ребенка – значит совершить благородный поступок.

– «Дети Кэт»?

– Это была идея Нэнси Вебстер. Как тебе название?

– Звучит... как рекламный слоган.

Кэт надеялась, что Дин разделит ее воодушевление, однако он явно счел эту затею нелепой.

– Кэт, ты действительно хочешь... поставить на себе крест? Забросить карьеру и перебраться в Техас? Зачем тебе это?

– Да, там все будет не так, как здесь, – усмехнувшись, согласилась она.

– А нельзя ли просто стать спонсором программы? Ее официальным лицом, не участвуя в ней лично?

– Ты имеешь в виду, стать рекламным символом?

– Ну да, типа того.

– Это было бы чистой воды фальшивкой! Профанацией. Если я даю программе мое имя, то она – мое собственное дитя. Мой личный проект.

Кэт смерила Дина печальным взглядом.

– Кроме того, это никакой не крест на моей карьере. Никакой не шаг назад, а, наоборот, сразу несколько шагов вперед. Сам увидишь, какой это будет успех.

Не в силах усидеть на месте, Кэт отбросила покрывало в сторону и встала с кресла.

– Этого тебе никогда не понять. – Встав к нему лицом, она коснулась ладонью груди. – Я делаю это потому, что иначе я просто не смогу.

– Ты права, – согласился Дин, тоже вставая на ноги. – Я не понимаю. У тебя было трудное детство. Но у кого, черт побери, оно было легкое? «Оззи и Харриет»² – это красивая сказка, Кэт. В реальной жизни, черт побери, все мы росли с чувством, что нас не любят.

– Да, особенно если твои родители предпочли жизни с собственным ребенком смерть! Его сердитая отповедь попала в цель. Дин озадаченно посмотрел на Кэт:

– Ты имеешь в виду самоубийство? Но ведь твои родители якобы погибли в автокатастрофе.

– Если бы! – Кэт тотчас пожалела о своей несдержанности. Теперь Дину известна малоприятная правда о ее родителях. Неудивительно, что в его глазах застыл ужас. Именно так социальные работники смотрели на тощую рыжеволосую непокорную девчонку по имени Кэтрин Делани.

– Вот тогда я и научилась шутить, вместо того чтобы плакать. Выбор был невелик: или сыпать остротами, или сойти с ума. Так что не жалея меня, Дин. Зрелище было не для слабонервных, но оно закалило мой характер, сделало меня сильной, наделило мужеством. Все это помогло мне выжить после пересадки сердца. Надеюсь, теперь ты поймешь, зачем мне понадобилось это новое дело.

Я по личному опыту знаю, что такое быть не такой, как другие дети. Если твои родители мертвы, или ты инвалид, или беден. Ты не такой, как все. На тебя смотрят как на заразного больного. Ты же знаешь не хуже меня: если ты не такой, как все, ты моментально превращаешься в изгоя, и точка!

Пойми, сотни тысяч детей в нашей стране страдают. Каждый день они сталкиваются с проблемами, о которых ты даже понятия не имеешь. Для многих прожить день – уже проблема. Они не могут учиться, играть, общаться с другими детьми. А все потому, что над ними издеваются дома или они сироты, или больны, или все перечисленное в разных комбинациях.

² «Приключения Оззи и Харриет» – американский ситком, который транслировался на телеканале «Эй-Би-Си» с 1952 по 1966 год на протяжении четырнадцати сезонов. «Приключения Оззи и Харриет» считается синонимом идеальной американской семейной жизни в 1950-х годах. – *Прим. пер.*

Есть семьи, способные и желающие помочь таким детям, однако они не знают, с чего им начать. Я хочу помочь и тем, и другим. Сделать это нелегко, но я готова взяться за эту трудную задачу. Она наполняет мою жизнь смыслом. Именно для этого – я уверена – мне была дарована вторая жизнь.

– Только не надо грузить меня философией, Кэт! – простонал Дин. – Ты получила вторую жизнь благодаря современным медицинским технологиям.

– Это ты так считаешь. У меня же свое мнение, – спокойно ответила Кэт. – Я твердо знаю, что должна чем-то оплатить мою новую жизнь. Быть телезвездой, получать кучу денег, всегда находиться среди красивых и знаменитых людей – это не главное в жизни. Во всяком случае, для меня. Мне хочется большего. И под большим я имею в виду вещи, которые важнее, чем слава или деньги. Я хочу чего-то настоящего.

Она взяла Дина за руки.

– Ты мне очень дорог. Ты был моим преданным другом в самые трудные минуты моей жизни. Я люблю тебя и восхищаюсь тобой. Я буду безумно скучать по тебе. Но ты не можешь постоянно быть моим ремнем безопасности.

– Я предпочел бы быть твоим мужем.

– Боюсь, что любовь и брак плохо вписываются в мои планы. То, чем я собираюсь заниматься, потребует моего постоянного внимания. Прошу тебя, благослови меня и пожелай удачи.

Дин пристально посмотрел ей в глаза, затем печально улыбнулся:

– Я уверен, твой проект ждет молниеносный успех. У тебя есть талант, честолюбие. Ты умеешь добиваться того, что ты хочешь.

– Спасибо за доверие. Я его ценю.

– Однако, – хмуро добавил Дин, – это не значит, что я этому рад. Я по-прежнему считаю, что Билл Вебстер ослепил тебя своим красноречием и перспективами этого проекта. Согласен, потерять дочь – это трагедия, но мне кажется, что он сыграл на твоих душевных струнах, чтобы заманить к себе на телеканал.

Твое участие мгновенно поднимет ему рейтинги, и он, черт побери, прекрасно это знает. Сомневаюсь, что его интерес к этому проекту продиктован исключительно альтруизмом. Вскоре ты поймешь, что он, как и все мы, подвержен ошибкам и, как и всеми, им движут исключительно корыстные интересы.

– Билл дал мне шанс, – возразила Кэт. – Но решение я приняла сама. Его мотивы не имеют ничего общего с моими. Я уже сказала, что решила изменить свою жизнь. Если не «Дети Кэт», это было бы что-то иное.

Дин не стал возражать и вместо этого сказал другое:

– Что-то подсказывает мне, что ты там скоро затоскуешь по мне и прежней жизни. – С этими словами Дин погладил ее по щеке. – Я буду ждать тебя, если ты решишь вернуться.

– На твоём месте я бы не стала на это рассчитывать.

– Рано или поздно ты вернешься. А пока пусть будет так, как ты хочешь. Желаю тебе удачи.

Глава 12

Январь 1994 года

Часы на столе были старинными, с круглым белым циферблатом и огромными черными арабскими цифрами. У них была красная секундная стрелка, возвещавшая каждую секунду ритмичным стуком, напоминавшим биение сердца.

Обложка альбома была из кожзаменителя, впрочем, довольно качественного, с удачной имитацией зернистой поверхности. Тяжелый и массивный, его было приятно взять в руки. Вот и теперь они поглаживали его – нежно, словно кошку.

В некотором роде альбом и был домашним любимцем, вроде кошки или собаки. Другом, которому можно доверить секреты. Чем-то таким, кого можно было прижать к груди, с кем поиграть в свободные минуты или когда нуждаешься в уюте и общении. Или в безоговорочном одобрении.

Страницы альбома пестрели газетными вырезками. Многие представляли собой отчет о жизни юного Джерри Уорда, его мужественной борьбе с врожденным пороком сердца, о перенесенной им операции и последующем выздоровлении, а также об ужасной смерти в реке. Боже, какая трагедия, особенно после того, что парню довелось пережить.

Затем та пожилая женщина из Флориды. Друзья и родственники горько оплакивали ее неожиданную смерть. У нее, похоже, за всю ее жизнь не было ни одного врага. Ее все любили. После операции кардиолог сказал, что ее прогноз внушает оптимизм. Она прожила бы еще немало лет, если бы не осколок стекла, пронзивший ей легкое, когда она, поливая цветы, выпала в окно внутреннего дворика. И что обиднее всего, это произошло в день второй годовщины ее удачной операции по пересадке сердца!

Перевернута еще одна страница альбома. Следующая дата – 10 октября 1993 года. Три месяца назад. Другой штат. Другой город. Другой пациент с пересаженным сердцем. Другое трагическое происшествие.

Несчастный случай с бензопилой. Идея, конечно, не самая лучшая. Но тот парень был не любитель сидеть в четырех стенах, так что...

Его миссия имела один вопиющий недостаток: как узнать, выполнил он ее или нет? Может, это уже случилось, с Джерри Уордом или с кем-то из двух других? Но ее нельзя признать завершенной, пока не будут устранены все возможные реципиенты. Только тогда можно быть до конца уверенным, что сердце и душа любимой наконец воссоединились.

Альбом был благоговейно закрыт. Нижняя обложка удостоилась нежного поглаживания, после чего бесценный фолиант был уложен в ящик письменного стола подальше от чужих глаз. Впрочем, их и не будет. Чужих сюда не приглашают.

Прежде чем ящик стола был заперт на ключ, из него был извлечен пухлый желтый конверт. Щелкнула металлическая застежка, и содержимое конверта высыпалось на стол. Каждая записка, фотография или газетная вырезка для удобства были снабжены пояснительной надписью. Все факты из этой сокровищницы давно заучены наизусть и тщательно проанализированы.

Он знал о ней все: рост, вес, размер одежды, симпатии и антипатии, религиозные убеждения, любимые духи, уязвимые места, номер водительского удостоверения, номер карточки социального страхования, политические взгляды, размер кольца и телефонный номер клининговой компании, убиравшей комнаты в ее доме в Малибу.

Чтобы собрать эту информацию, потребовался не один месяц. И все же удивительно, сколько всего можно узнать о человеке, если все время заниматься исключительно поисками. Конечно, она знаменитость, так что большую часть сведений можно было почерпнуть из газет и журналов, хотя надежность содержащейся в них информации порой вызывает сомне-

ния. Таблоиды не всегда пишут правду, так что сведения приходится проверять и перепроверять.

Взять хотя бы ее недавнее решение оставить сказочную жизнь в Голливуде и переехать в Сан-Антонио, штат Техас, чтобы заниматься там благотворительной деятельностью.

Что ж, было бы любопытно познакомиться с этой Кэт Делани.

Убить такую – двойное удовольствие.

Глава 13

Май 1994 года

– Черт, это покажется безумием, но я сидел вон в той будке, смотрел на тебя и все время думал, откуда я тебя знаю? Затем меня словно по башке ударило. Да это же Алекс Пирсон! Я ведь не ошибся?

– Ошиблись.

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

– Черт, готов поклясться, это вы – это он. Ну, писатель, вы понимаете? Тот, что пишет детективные романы, которые читают все. Вы – его ходячая копия.

Как же ему надоело это выслушивать. Алекс протянул руку.

– Алекс Пирс.

– Черт возьми! Я так и знал, что это вы! Узнал по фотографии на задней обложке вашей книги. Лестер Доббс мое имя. – Разговорчивый незнакомец энергично встряхнул его руку. – Рад с вами познакомиться, Алекс. Это ничего, если буду называть вас Алексом?

– Ничего страшного.

Не дожидаясь приглашения, Доббс скользнул из своей кабинки в кабинку к Алексу. В кофейне «Дэнни» было время завтрака. Зал был полон людей. Кто-то шел на работу, кто-то возвращался домой с ночной смены.

Доббс сделал знак официантке, чтобы та принесла свежий кофе.

– Не знаю даже, с чего она вдруг рассердилась, – пробормотал он, когда им принесли заказ. – Ведь, пересев к вам, я освободил свою кабинку.

Алекс свернул утреннюю газету и положил ее на сиденье рядом с собой. Похоже, дочитать ее не удастся.

– Я прочитал, что вы техасец, – продолжал трещать Доббс. – Не знал, что вы по-прежнему живете в Хьюстоне.

– Я здесь не живу. Во всяком случае, я постоянно нигде не живу. Переезжаю с места на место.

– Наверно, с вашей работой такое можно себе позволить.

– Я могу включить компьютер где угодно, где есть почта и телефон.

– А вот мне не до перемены мест, – с сожалением признался Доббс. – Я работаю на нефтеперегонном заводе. Вот уже двадцать два года. Завод никуда отсюда не денется, как стоял, так и будет стоять, да и я тоже. Работа дает мне кусок хлеба, но кроме этого сказать о ней больше нечего. Мой начальник – редкостная скотина. Вечно норовит нахимичить с моими табельными часами, ну вы понимаете, о чем я.

– Да, я встречал таких людей, – согласился Алекс.

– Вы ведь бывший коп, верно?

– Точно. Был таковым.

– Поменяли пистолет на жесткий диск.

Алекс недоуменно посмотрел на своего собеседника.

– Эка я завернул, да? Но это я не сам придумал. Прочитал в статье про вас несколько месяцев назад, в воскресном приложении. Оно взяло и застряло в памяти. Кстати, эта кабинка для некурящих? Черт! Мы с моей женушкой – ваши верные поклонники.

– Рад это слышать.

– Вообще-то я не большой любитель чтения. Зато она вечно сидит, уткнув нос в книжку. Покупает их по дюжине за раз или даже больше в букинистической лавке. Но ваши книжки то, что надо. Чем больше кровищи, тем лучше.

Алекс кивнул и отпил кофе.

Доббс подался вперед и понизил голос до доверительного шепота.

– Чем грязнее, тем лучше. Ну, вы поняли, о чем я? Вы там такое пишете, что у меня встает каждые двадцать страниц. Супружница тоже вас хвалит. – С этими словами он заговорщицки подмигнул Алексу.

Алекс попытался сохранить серьезное выражение лица.

– Я рад, что вы равнодушны к моим книгам.

– Скажите, а вы на самом деле знаете таких телок, вроде той, что описана в вашей книге? Пробовали на себе тот трюк с перышком, который та девка пробует на главном герое?

Лестеры Доббсы во всем мире полагают, что он пишет книги на основании личного опыта.

– Вообще-то я пишу романы, а не документальные книги. Или вы забыли?

– Отчего же, помню. Но ведь вы должны хоть чуток знать то, что описываете на бумаге? Верно я говорю?

Алексу не хотелось ни преувеличивать свой жизненный опыт, ни разочаровывать своего поклонника, и поэтому он промолчал, давая Доббсу возможность сделать собственный вывод. Тот, похоже, его и сделал, так как ухмыльнулся и, как курильщик со стажем, откашлял полное горло мокроты.

– Везет же некоторым! Мне ни одна баба такое не делала, это я вам точно скажу. Думаю, оно даже к лучшему, – философски добавил Доббс. – Я точно бы отбросил концы от сердечного приступа, если бы лежал на кровати, раскинув руки и ноги, с членом, который торчит, как флагшток и...

– Еще кофе, мистер Пирс? – спросила официантка, приготовившись долить ему чашку.

– Нет, спасибо, не надо. Принесите мне счет. Включите в него кофе мистера Доббса.

– Я прямо не ожидал такого с вашей стороны. Спасибо.

– Не за что.

– Моя женушка обмочится от восторга, когда я расскажу ей, что говорил с вами. Когда выходит ваша новая книжка?

– Примерно через месяц.

– Вот здорово! Она будет такой же крутой, как и первая?

– Думаю, даже круче, хотя писатель – плохой судья собственной работе.

– Я жду не дождусь, когда же она наконец выйдет.

– Спасибо. – Алекс забрал счет и газету. – Извините, мне пора. Рад был познакомиться.

Расплатившись на кассе, Алекс вышел из шумной кофейни, хотя, сказать по правде, он бы еще посидел здесь и выпил бы еще кофе. Когда Доббс подсел к нему, он работал – в буквальном смысле. Его разум был занят тем, что впитывал атмосферу этого заведения. Он разглядывал и изучал людей, наблюдал за ними и запоминал их привычки, манеры, лица, делал мысленные заметки для будущих книг. Причем делал это ненавязчиво, не желая привлечь к себе внимания. Он изрядно удивился, когда Доббс его узнал.

Его до сих пор пугало, когда читатели узнавали его. Правда, такое происходило не очень часто. Его первый роман, опубликованный год назад в твердой обложке, имел довольно скромный коммерческий успех.

И только когда вышло издание в мягкой обложке, читательские отзывы и дополнительная реклама подхлестнули продажи. Роман даже попал в списки бестселлеров, а недавно стало известно, что в Голливуде рассматривают возможность его экранизации. Правда, для телеэкрана. Читательские массы ждали второго романа, который должен был выйти в следующем месяце.

За третий роман его литагент потребовал огромный аванс, который издательство покорно выплатило. Книга была с воодушевлением принята редактором и вызвала немалый

интерес у работников издательства. Была подготовлена сногшибательная обложка и разработан план ударной рекламной кампании.

Увы, несмотря на эти недавние успехи в издательском мире, до настоящей славы Алексу Пирсу было еще далеко. Его имя не было известно публике, никогда не читающей книг, или тех, чьи интересы лежат далеко за пределами того литературного жанра, в котором он работает.

Его детективно-криминальные романы были о мужчинах и женщинах, оказавшихся в опасных, порой жестоких ситуациях. Персонажами его книг были наркоторговцы, короли трущоб, сутенеры, проститутки, бандиты, наемные убийцы, ростовщики, поджигатели, насильники, воры, вымогатели, доносчики – короче говоря, отбросы общества. Героями были полицейские, которые имели с ними дело в рамках закона и за его пределами. В его книгах границы между правильным и неправильным, между добром и злом были прочерчены настолько тонко, что были практически невидимы.

Его сюжеты были жесткими внешне и имели еще более жесткий костяк. Он создавал их с желчным взглядом и чугунным желудком, не щадя чувств читателей, наполняя и авторский текст, и диалоги максимальным реализмом.

Хотя никакими словами невозможно адекватно передать жуткую суть убийства, он пытался изложить на бумаге вид, звук и запах тех зверств, которые один человек способен причинить другому, а также раскрыть психологию преступника.

Используя жаргон обитателей улиц, он без всякого стеснения и брезгливости живописал и сексуальные сцены, и подробности судебно-медицинского вскрытия трупа. Его книги никого не оставляли равнодушным. Но слабонервным, брезгливым или излишне щепетильным их было лучше не читать.

Несмотря на всю грубость его книг, один критик написал, что они «обладают сердцем». «Он (Пирс) наделен удивительной способностью проникать в суть человеческого опыта. Он режет до кости, чтобы обнажить душу».

Алекс воспринял эту похвалу довольно скептически, опасаясь, что успех первых трех книг случаен. Скажем, так ему подфартило. Он ежедневно сомневался в наличии у себя таланта. Он был не настолько хорош, как ему самому хотелось бы. В конце концов Алекс пришел к умозаключению, что писательский труд и успех – в той мере, в какой писатель воспринимает свое творчество как успешное, – просто несовместимы.

Несмотря на все эти сомнения, Алекс культивировал и расширял армию верных поклонников. Хотя издатель и видел в нем восходящую звезду, сам он не позволял вскружить себе голову похвалой. Он не доверял славе. Его предыдущий опыт пребывания в фокусе внимания прессы был самым нелегким периодом его жизни. Как ни желал он преуспеть на ниве писательства, жить он предпочитал в тишине и безвестности. Славы, в том числе и дурной, он уже и так хлебнул с избытком.

Алекс сел в спортивный автомобиль и как истинный лихач уже через считанные минуты на бешеной скорости мчался по фривею. Открыв окна, он вслушивался в свист пролетающих мимо машин и ловил извращенное наслаждение от запаха выхлопов.

Он обожал самые простые ощущения. Его никогда не переставало удивлять, насколько богатым на чувственные стимулы стал окружающий мир, стоило ему самому перестать искать забвение в алкоголе.

Поняв, что дошел до последней черты, он добровольно лег в реабилитационную клинику и после нескольких недель, показавшихся ему сущим адом, вышел на волю – бледный, похожий на скелет, трясущийся, но трезвый, как стеклышко. С тех пор прошло более двух лет, и он ни разу не взял в рот ни капли спиртного.

Как ни тяжело ему будет в жизни в будущем, он больше не поддастся искушению решить топить свои проблемы в алкоголе. Это он решил твердо. Черные бездны помутненного сознания напугали его до смерти, и он не желал повторения этих кошмаров.

Он приехал к себе, хотя это жилище вряд ли можно назвать домом. Спартански обставленные комнаты были завалены упаковочной тарой. Поиск материала для книг требовал от него бесконечных переездов с места на место. Вить постоянное домашнее гнездо не было смысла. Вот и сейчас он готовился к очередному переезду.

Осторожно лавируя среди ящиков и коробок, Алекс прошел в спальню, служившую также рабочим кабинетом. Это комната единственная во всей квартире имела жилой вид. В углу незаправленная кровать. В центре, занимая почти все пространство, письменный стол.

И куда ни посмотришь – бумага, эвересты печатных материалов. Они занимали все доступное пространство, стопками высились возле стен. Это хаотичное, бессистемное подобие библиотеки было мрачным напоминанием об окончательном сроке сдачи рукописи. Алекс бросил взгляд на настенный календарь. Май. Время летит быстро. Слишком быстро. А он почти не сдвинулся с места.

Глава 14

– Что нужно для того, чтобы привезти этого ребенка на телевидение, а потом найти ему постоянный дом?

Кэт сердито взялась перелистывать папку с бумагами. За свою коротенькую жизнь четырехлетний Дэнни, похоже, получил тумаков и шишек больше, чем иные люди за всю свою жизнь.

Она пробежала глазами отчеты, зачитывая вслух отдельные абзацы.

– Приятель матери систематически избивал мальчика. Поэтому Дэнни забрали у нее и поместили в приемную семью, где уже было несколько детей.

Кэт подняла голову. Последующие ее реплики были адресованы Шерри Паркс, из тexasского отделения Министерства здравоохранения и социальных служб.

– Слава богу, что он больше не служит боксерской грушей для этого подонка, сожителя матери. Но Дэнни нужны постоянное внимание и забота. Нужно, чтобы его усыновили, Шерри.

– Мать сама хочет поскорее от него отделаться.

– Тогда в чем проблема? Давайте сделаем о нем сюжет. Может быть, какие-нибудь семьи захотят усыновить Дэнни.

– Проблема в лице судьи, Кэт. Если хочешь, могу еще раз попросить его просмотреть дело Дэнни, однако не могу обещать, что он переменит свое решение. Социальный работник, опекающий мальчика, считает, что место Дэнни во временной семье. Судья поддержал это предложение.

После выхода на телеэкран передачи «Дети Кэт» Шерри Паркс стала связующим звеном между Кэт и органами опеки. Она прилагала все усилия к тому, чтобы детей, тем более детей-инвалидов, из неблагополучных семей помещали в постоянные приемные семьи.

Что было отнюдь не легко. Шерри приходилось преодолевать массу бюрократических препон. Ей не раз доводилось сталкиваться лбами со служащими системы опеки и судьями, которые, как и все люди, имели предубеждения и взгляды, влиявшие на их решения. Став однажды жертвой собственных родителей, ребенок вторично становился жертвой нерасторопной системы усыновления.

– Я уверена, что социальный работник – человек порядочный, однако считаю, что место Дэнни в постоянной семье. Ему не хватает заботы. Рядом с ним постоянно должны быть любящие люди.

– Социальный работник считает, что перед усыновлением ребенок должен пройти курс психологической подготовки, – заявила Шерри, выступая в роли адвоката дьявола. – После того как его привезли домой из больницы, за ним никто не смотрел. Ему нужно научиться жить в нормальной семье. По ее словам, рекомендовать его к усыновлению преждевременно, из этого ничего не получится. Мы бы слишком быстро провели его через все этапы, не дав ему времени освоиться.

Кэт нахмурила рыжие брови.

– Пока что мы четко и недвусмысленно заявляем ему: мол, ты никому не нужен. Твои приемные родители возьмут тебя насовсем лишь после того, как ты докажешь, что достоин усыновления.

– Неужели они не понимают, какое бремя ответственности они взваливают на Дэнни? И поскольку ему с ним не справиться, его ощущение ненужности лишь усилится. Это замкнутый круг, из которого ему не вырваться.

– По правде говоря, Кэт, – сказала Шерри, – он и впрямь не подарок. Кусает всех без разбора. Закатывает истерики. Начинает крушить все, что попадает ему под руку.

Кэт встряхнула волосами и вскинула руки – мол, сдаюсь.

– Знаю, можешь не рассказывать. Я читала отчеты. Но такое поведение симптоматично. С его стороны – это стремление привлечь к себе внимание. Помню, какие фокусы я выкидывала когда-то, лишь бы доказать, какая я плохая и никчемная. До этого я уже побывала в нескольких семьях, но никто так и не пожелал взять меня насовсем.

– Я знаю, из какой он семьи. Ему никогда не ужиться в нормальной семье, пока кто-то не усадит его перед собой и не скажет: «Давай, закатывай истерику, Дэнни. Я все равно буду тебя любить. Ничто не помешает мне любить тебя. Ничто. Я никогда не буду тебя бить и никогда не брошу. Ты – мой, а я – твой».

Потом этот кто-то должен его обнять, чтобы он наконец понял: его действительно любят. Нужно помочь ему избавиться от тех гадостей, что накопились в детском сердечке, калеча его душу.

Джефф Дойл восхищенно захлопал в ладоши.

– Превосходная речь, Кэт. Прямо для рекламного ролика.

Она улыбнулась молодому коллеге. За короткое время их совместной работы Джефф проявил себя как трудолюбивый, исполнительный работник. Не было такого задания, которое бы он не выполнил. Что еще важнее, он не чурался даже черной работы. Его участие в программе «Дети Кэт» оказалось настолько полезным, что Кэт с недавних пор стала брать его с собой на встречи с Шерри. Джефф искренне переживал не только по поводу качества каждой передачи, но и за судьбы юных героев.

– Спасибо, Джефф, – поблагодарила она. – Но я старалась не ради рекламного ролика. Я сказала это совершенно искренне. – Повернувшись к Шерри, она спросила: – Как ты смотришь на то, чтобы попросить судью пересмотреть дело Дэнни?

– Смотрю положительно, но вот что-то обещать – это вряд ли, – ответила Шерри. – Впрочем, попробовать можно. – Взяв со стола папку с бумагами, она засунула ее в туго набитый портфель. – Я сообщу, когда они назначат повторное рассмотрение дела.

Кэт кивнула:

– Если меня не будет, передай информацию Джеффу или Мелии.

– Лучше мне, – попросил Джефф. – Иначе до Кэт она просто не дойдет.

Шерри недоуменно посмотрела на Кэт, затем на Джеффа, но Кэт сделала вид, будто не заметила ее взгляда. Джеффу не следовало говорить такие вещи. Она обязательно отчитает его, когда они останутся наедине. Незачем делать их внутренние разногласия достоянием посторонних.

– Пожалуй, на сегодня все, – собрав свои вещи, сказала Шерри. – Я свяжусь с вами. – Уже в дверях кабинета она обернулась и добавила: – Кстати, ваша вчерашняя передача мне очень даже понравилась. Отлично сделано.

– Спасибо. Расскажу коллегам, что удостоилась твоих комплиментов. Наш оператор действительно великолепно снял малышку Салли.

Это был сюжет о пятилетней Салли. У девочки от регулярных побоев развился дефект речи. Но его, так же как и недостаток социальной адаптации, можно вылечить любовью и терпением со стороны приемных родителей.

– Да, ее глаза говорят все без слов. Достаточно было показать их крупным планом, как они рассказали историю этого маленького человечка, сделав излишними любые комментарии. Как же эта малышка нуждается в любви! – печально вздохнула Кэт. – Надеюсь, сегодня ваш телефон будет просто разрываться от звонков.

– Я тоже на это надеюсь, – сказала Шерри. – Кстати, ты точно сможешь заменить меня сегодня утром?

– Я же обещала.

Дело в том, что, назначив встречу с супружеской парой, согласившейся усыновить ребенка, Шерри обнаружила, что на это время у нее назначена другая, не менее важная встреча, которую тоже никак нельзя отменить. Кэт пообещала ей, что сама встретится и поговорит с ними.

– Еще раз спасибо. Я позвоню во второй половине дня, чтобы узнать, как все прошло. Проводив Шерри до выхода, Джефф снова налил им по чашке кофе.

– Что сегодня в вашем графике?

– Попросите, пожалуйста, чтобы Мелия зашла ко мне. И в будущем, Джефф, постарайся в присутствии посторонних держать свое мнение при себе. Договорились?

– Извините, – произнес Джефф с искренним раскаянием в голосе. – Я понял, что зря это сказал в присутствии мисс Паркс, но у меня сорвалось с языка. Хотя я ничего не преувеличил. Любые записки, оставленные у Мелии, рискуют не дойти до адресата.

– Это уже мои проблемы.

– Но...

– Мои проблемы. Я сама справлюсь с ними. Договорились?

– Договорились.

Джефф вышел и через несколько секунд вернулся с Мелией Кинг. Эти двое являли собой разительный контраст, причем не только потому, что он был парень, а она – девушка. Джефф был голубоглазый блондин и предпочитал строгие, классические костюмы.

У Мелии были темные мексиканские глаза с тяжелыми веками, которые она для пущей выразительности подкрашивала карандашом. Полные и губы. В одежде она предпочитала кричащие расцветки, выгодно оттенявшие ее темные волосы и оливковую кожу.

– Доброе утро, Мелия.

– Привет.

В это утро на Мелии было алое, как мак, трикотажное платье в обтяжку. Сев в кресло, она демонстративно закинула одну на другую красивые стройные ноги. Ее улыбка была самодовольной, высокомерной и притворной одновременно и вызвала у Кэт болезненное раздражение, как заусенец на ногте. Впрочем, не только у нее. Вызывающие манеры Мелии были притчей во языцех у всех ее коллег по телеканалу. Увы, стервозность – не достаточное основание для увольнения, иначе бы Кэт избавилась от этой особы еще несколько месяцев назад.

Кроме того, она вряд ли имеет право единолично принимать такого рода решения. Билл Вебстер лично подобрал персонал передачи еще до ее приезда в Сан-Антонио. «Кандидатов» ей представили лишь для ее формального одобрения.

Джефф Дойл первоначально хотел работать в редакции новостей, но как только появилась возможность работать в передаче «Дети Кэт», он мгновенно ухватился за нее, зная, что эта передача предоставит ему большую свободу творчества.

Мелию Кинг взяли из отдела новостей. Она также говорила о стремлении к большему разнообразию, большим возможностям проявить себя, не говоря уже о больших деньгах. По ее словам, программа «Дети Кэт» предлагала ей такой шанс.

Кэт понимала: с ее стороны было бы невежливо отвергать предложенных Биллом сотрудников. Увы, Мелия прониклась к ней антипатией при первой же их встрече, когда они обменялись рукопожатием.

Поскольку Кэт были неизвестны причины этой враждебности, она решила, что, знакомясь с новой начальницей, Мелия просто нервничала, и в будущем их отношения станут более теплыми. Увы, после полугода совместной работы отношения по-прежнему оставались прохладными.

Мелия никогда не опаздывала. Ее нельзя было назвать откровенной бездельницей, пренебрегавшей своими служебными обязанностями. Всякий раз, когда она допускала незначи-

тельную ошибку, у нее находились оправдания. Ее извинения были неискренними, но вполне убедительными. Иными словами, кисло подумала Кэт, эта красотка всегда умеет прикрыть задницу.

– Какие мероприятия назначены у меня на сегодня? – уточнила она.

Мелия небрежно раскрыла блокнот.

– У вас интервью с мистером и миссис Уолтерс вместо мисс Паркс.

– Верно. В какое время? – спросила Кэт, бросив взгляд на стоявшие на столе часы.

– В одиннадцать. Она оставила у меня папку с бумагами. Специально для вас.

– Я заберу ее, когда буду уходить.

– Они живут далеко за городом на дороге, ведущей в Керрвилль. Знаете эти места?

– Нет.

Мелия закатила глаза, как бы намекая, что плохое знание географии Техаса было верхом глупости.

– Придется дать вам разъяснения.

– Буду вам признательна, – ответила Кэт. – Что-то еще?

– В три часа дня вам нужно присутствовать на монтаже передачи.

– Тогда я вернусь пораньше.

– Мистер Вебстер хочет увидеться с вами сегодня в любое удобное для вас время. Так он сказал.

– Поднимитесь, пожалуйста, к нему и посмотрите, у себя ли он. Я хочу встретиться с ним до того, как уеду на встречу с Уолтерсами.

Никак не прокомментировав ее просьбу, Мелия встала и скользящей походкой пантеры направилась к выходу. Впрочем, на Джеффа это не произвело впечатления. Как только она вышла за дверь, он неодобрительно поджал губы.

Кэт сделала вид, будто ничего не заметила. Ей нет смысла настраивать своих подчиненных друг против друга. Равно как занимать чью-то сторону.

– Вы уточнили, где будут снимать сюжет про Тони? – спросила, возвращаясь к служебным делам.

Она всегда называла героев своих передач по имени, прекрасно помня о том, как ненавидела в детстве, когда ее называли словами «ребенок» или «девочка», как будто статус сироты лишал ее индивидуальности.

– Как вы смотрите на то, если это будет парк Брекенридж? – предложил Джефф. – Можно будет покатать Тони на детской железной дороге. Получится роскошная картинка.

– Главное не картинка, а то, понравится ли там самому Тони. Впрочем, какой шестилетка устоит перед таким соблазном.

– Мистер Вебстер сейчас у себя. Он сказал, чтобы вы поднялись к нему, – Мелия сунула в приоткрытую дверь голову и снова исчезла.

Кэт вышла из-за стола.

– Пока меня не будет, съездите в парк и все там разузнайте, – велела она Джеффу. – Скажите тамошнему начальству, что мы хотели бы провести съемку в среду утром. Убедитесь, что детская железная дорога исправно работает и все такое прочее. Позвоните Шерри на работу, они должны знать, где в среду будет находиться Тони. Дважды уточните с редактором отдела новостей время съемки. Пусть он даст задание съемочной группе.

Джефф быстро записал задания в блокнот.

– Что-нибудь еще?

– Да. Не берите в голову. Жизнь слишком коротка, чтобы принимать все близко к сердцу.

Джефф поднял голову от блокнота и недоуменно посмотрел на Кэт.

– Поверьте мне, я хорошо это знаю.

Кабинет Кэт соединялся с шумным отделом новостей коротким коридором. Билл Вебстер предлагал ей более удобный и просторный кабинет на этаже, который занимало руководство телеканала, но она отказалась. Программа «Дети Кэт» находилась в ведении редакции новостей, подобно всем остальным программам на местную тематику. Для Кэт было крайне важно влиться в дружный коллектив операторов, редакторов, режиссеров и прочих работников телеканала.

Вебстеру она сказала так:

– От этих людей зависит то, как я буду выглядеть на телеэкране. Я не имею права отдаляться от них.

Надо сказать, что часть персонала отдела новостей отнеслась к ней предвзято. В отличие от них Кэт Делани не проделала путь наверх ступенька за ступенькой по карьерной лестнице. Она была пришлая. Актриса, а не тележурналистка.

Кэт не отрицала, что опыта тележурналистики у нее нет. Понимала она и то, что редакции новостей ее до известной степени навязали. В их глазах она была залетной голливудской звездой, которая наверняка начнет задирать нос и поглядывать на всех свысока.

Кэт, напротив, держалась просто и демократично, вникала в тонкости работы, прислушивалась к их советам. Хотя она и провела немало лет в свете софитов, формат теленовостей был для нее в новинку. Она задавала вопросы, сбивалась с репликами, требовала новых дублей и даже отпускала шутки в собственный адрес, чем расположила к себе новых коллег.

– Мистер Вебстер ждет вас, мисс Делани. Проходите, – тепло приветствовала ее секретарша босса.

– Я все никак не нарадуюсь тому, как прекрасно идут дела. Лучшего и ждать не стоит, – сказал Билл, после того как Кэт села в кресло.

– Вы часто так говорите, – улыбнулась Кэт, сидя напротив Билла за огромным столом. Его черная лакированная поверхность была такой гладкой, что в нее можно было смотреться как в зеркало. – Если вы будете и дальше меня хвалить, то будете постоянно вгонять меня в краску.

– Это не пустые комплименты, – усмехнулся Вебстер. – Благодаря вам наши акции на фондовом рынке поднялись в цене. Теперь они регулярно растут. Выпуски передачи «Дети Кэт» пользуются ошеломительным успехом.

Улыбки Кэт как не бывало. В глазах промелькнул гнев.

– А вот мистер Трюитт считает иначе.

Репортер газеты «Сан-Антонио Лайт» Рон Трюитт разнес передачу в пух и прах уже после первого выпуска.

– В своей последней статье он смешал нас с грязью, – сказала Кэт. – Как это он там написал? «Выпуски слащавы и сентиментальны, и уместны в программах новостей не больше, чем танцевальные номера чечеточников». Согласитесь, что этот писака – мастер выдавать хлесткие фразы.

Билл Вебстер не был склонен принимать критику репортера близко к сердцу.

– К сожалению, у этой газеты в среде телевизионщиков дурная слава. Ее еще называют «кровавым рынком». Как и в любом городе, в Сан-Антонио существуют такие вещи, как насилие и преступность. Обычно в редакциях теленовостей считается, что чем больше крови, тем лучше. Политика нашего телеканала не исключение. Чтобы конкурировать с другими каналами, мы вынуждены придерживаться общего тренда. Лично мне это не нравится, но, увы, такова жизнь, – сказал Вебстер, разводя руками. – Если взять наши новостные сюжеты, а они почти всегда связаны с насилием, ваши на их фоне подобны глотку свежего воздуха. Они служат напоминанием о том, что в этом мире все еще существует добро. Так что выбросите Трюитта с его статьями из головы. Считайте это издержками свободы слова.

Кэт не разделяла этого мнения. Критика есть критика, в какую обертку ее ни заверни. Она бы не переживала так, критикуй Трюитт ее лично. Он же бессовестно унижал ее передачу, ее детище, и Кэт, как медведица, защищающая своего медвежонка, была готова грудью встать на ее защиту.

– Если на экране им нужны кровь и насилие, что ж, давайте покажем им ситуации, в которых побывали наши герои, – с горечью в голосе сказала Кэт.

– Еще одна причина не принимать критику близко к сердцу. Будьте выше ее. Покажите этому Трюитту язык.

– Я пыталась, но этот трус не отвечает на мои звонки. – Кэт пожала плечами. – Но, может, оно даже к лучшему. Незачем ему знать, что его статейки оскорбляют меня в лучших чувствах.

Вебстер предложил ей выпить, но Кэт отказалась, сославшись на то, что ее ждет встреча с супружеской парой, решившей стать приемными родителями.

– Но подобные встречи не входят в ваши обязанности.

– Верно, не входят. Но Шерри договорилась встретиться с ними, а сама не смогла поехать – у нее нашлись какие-то более важные дела. Чтобы не огорчать этих людей, я согласилась заменить ее. Побеседовать с ними и все им объяснить. Кроме того, они, судя по всему, возьмут к себе ребенка.

Скажу честно, Билл. Мне самой интересно лично встретиться с теми, кто желает взять детей в семью. Это отличный шанс рассказать им о том, каково быть приемными родителями. Могу сослаться на собственный опыт.

– Опыт ребенка, жившего в приемных семьях?

– Именно. Они обязаны пройти двухмесячный курс психологической подготовки и все равно вряд ли будут готовы ко всем малоприятным сюрпризам, которые им будет преподносить новый член их семьи. Встреча со мной станет лишним доказательством тому, что наша передача – начинание серьезное.

– Вы и без того взвалили на себя груз ответственности.

– Работа придает мне сил.

– Смотрю, вы просто помешаны на ней. Вечно стараетесь предусмотреть все до последней мелочи.

– Есть такой грех, – с улыбкой согласилась Кэт.

– Не волнуйтесь из-за пустяков. Вам ведь нельзя волноваться.

Кэт моментально ошетибилась. Чего она терпеть не могла, так это намеков о ее «чужом» сердце.

– Я не хрустальная ваза, Билл.

– Кэт, я приказываю всем моим подчиненным, кто занимает более-менее ответственный пост, не работать на износ, – с упреком в голосе отозвался Вебстер. – Пересадку сердца никому из них не делали. Это просто добрый совет, адресованный всем сотрудникам.

– Что ж, пожалуй, соглашусь.

– Какие у вас отношения с подчиненными? – поспешил перевести разговор на другую тему Вебстер. – Проблем нет?

– Когда в проекте занято более одного человека, между коллегами неизбежно возникают трения, – дипломатично ответила Кэт.

Вебстер откинулся на спинку кресла.

– Трения часто способствуют появлению новых идей, что неплохо. Думаю, вам достались хорошие сотрудники. Мы отбирали самых лучших.

Кэт решила подойти к проблеме с Мелией окольным путем.

– Джефф – типичный трудоголик. Настоящий труженик, но все принимает слишком близко к сердцу.

– Он случайно не гей?

– Это имеет какое-то значение?

– Никакого, – невозмутимо ответил Вебстер, оставив без внимания ее резкий тон. – Просто любопытствую. Ходят такие слухи. В любом случае я думаю, что такой человек, как он, больше подходит для «Детей Кэт», чем для выпусков обычных новостей. А с Мелией вы ладите?

– У нее многое зависит от настроения, – уклончиво ответила Кэт.

– А у всех нас разве не зависит?

– Конечно, зависит. Дело в том, что ее настроение и мое иногда вступают в конфликт.

Кэт очень не хотелось, чтобы Билл Вебстер решил, будто она в чем-то обвиняет Мелию. Наверно, виноваты они обе. Их неприязнь была взаимной, но Кэт старалась не показывать вида и прощала ей то, что ни за что не простила бы другим.

Вебстер, похоже, не уловил ее намека.

– Как вы только что сами сказали, Кэт, когда в проекте задействовано больше одного человека, трения неизбежны.

Билл Вебстер приложил все усилия к тому, чтобы помочь Кэт вписаться в новую для нее обстановку. Она же не привыкла жаловаться и до поры до времени старалась ни с кем не делиться своими печальями.

– Я уверена, что время сгладит все шероховатости.

– Я тоже так думаю. Что еще вы хотели бы мне сказать?

Кэт посмотрела на часы. У нее еще есть пара минут.

– Думаю, нам есть смысл устроить акцию по сбору средств на благотворительные нужды.

– Акцию?

– Да, акцию по сбору денег в пользу детей, которые находятся во временных семьях, и тех, кого уже усыновили. Приемные родители получают от штата двести долларов в месяц на одного ребенка. Система федерального медицинского страхования покрывает расходы на врачей. Но этого мало.

По-моему, для телеканала будет хорошей рекламой, если он проспонсирует концерт или соревнование по гольфу с участием знаменитостей, сборы от которых пойдут детям и их приемным родителям. Последние могут потратить их на оплату услуг стоматолога, на покупку очков для ребенка, у которого слабое зрение, на отдых в летнем лагере.

– Превосходная идея. Поступайте, как считаете нужным.

– Спасибо, Билл. Но мне понадобится помощь. Я пока еще новичок на вашем телеканале и знаю далеко не всех сотрудников. Как вы думаете, Нэнси захочет помочь мне?

– Захочет? – рассмеялся Вебстер. – Да она лучшая кандидатура. Это ее стихия. Она готова в любую минуту закатать рукава и взяться за работу. Сбор денег на благотворительность – ее любимое занятие.

– Отлично. Тогда я позвоню ей. – С этими словами Кэт встала. – Если вопросов больше нет, то я пойду. Мне пора.

Вебстер встал из-за стола и проводил Кэт до дверей.

– Вы просто гений, Кэт. Нам всем крупно повезло. Благодаря вам телеканал набрал дополнительные очки. Но, скажите, мы вас устраиваем в равной степени? Не жалеете, что уехали из Калифорнии? Вы счастливы?

– Жалею? Нисколько не жалею. Я люблю детей и занимаюсь любимым делом, на благо себе и людям.

Вебстер ждал, что Кэт добавит что-то еще, но, не дождавшись, спросил:

– Это ответ лишь на половинку моего вопроса.

– Счастлива ли я? Конечно. Почему же мне не быть счастливой?

– А доктор Спайсер?

У Кэт уже был неплохой контакт с сотрудниками, но завязать с кем-то из них дружеские отношения она пока не успела. Более того, она строго придерживалась принципа не смешивать профессиональное с личным. Ее будние дни были наполнены работой и не оставляли времени для общения за стенами телестудии. Вот и Дин Спайсер оставался ее лучшим другом. Она так и сказала Биллу в ответ на его вопрос.

– Мы с ним перезваниваемся два-три раза в неделю.

Вебстер нахмурил брови.

– А не уговорит ли он вас вернуться обратно в Калифорнию?

– Нет, не уговорит. На кого же я брошу мою работу? – Кэт снова посмотрела на часы. – У меня на одиннадцать назначена встреча.

Глава 15

Дверной звонок гулким эхом прокатился по всему дому. Через противомоскитную сетку стеклянной двери Кэт был виден широкий коридор, ведущий в глубь дома. В просторную прихожую открывались несколько дверей, однако с того места, где стояла Кэт, было трудно понять, что это за комнаты.

Где-то рядом залаяла собака, судя по хриплому лаю, большая. Впрочем, пес, похоже, просто был любопытным, а не свирепым.

Кэт снова нажала кнопку звонка и посмотрела через плечо на дорогу, по которой только что приехала. Дом стоял за низким холмом и не был виден с автострады. Его окружала металлическая ограда, образуя аккуратную границу участка, поделенного на несколько пастбищ, где пощипывали траву лошади и коровы.

Одноэтажный дом был построен из местного известняка. Над просторной верандой создавала густую тень деревянная решетка, увитая глицинией. В глиняных горшках пламенили ярко-красные герани. Снаружи дом смотрелся удивительно ухоженным. Под стать ему был и золотистый ретривер, выскочивший из-за угла дома. Увидев Кэт, пес быстро буквально взлетел по каменным ступеням крыльца.

– Привет, песик!

Собака понюхала протянутую руку и дружески ее лизнула.

– Ты один дома? Я думали, что они ждут меня... или Шерри.

Кэт вновь нажала на кнопку звонка. Уолтерсы, должно быть, в одной из дальних комнат, решила она. Вряд ли они куда-то ушли, не потрудившись замкнуть входную дверь.

– Эй, есть тут кто-нибудь?! – позвала Кэт, почти прижавшись носом к сетчатой двери, чтобы разглядеть, что там внутри.

Где-то внутри дома скрипнула дверь, и через секунду в коридоре появился какой-то мужчина. Кэт как ужаленная отпрыгнула назад. Неужели он видел, как она пялилась сквозь сетку?

Мужчина был высок, хорошо сложен и бос. Судя по щетине на его лице, он не брился несколько дней. Шагая к двери, он на ходу неторопливо застегивал джинсы. Правда, застегнув всего пару пуговиц, бросил это занятие. Он также попытался пригладить взъерошенные волосы. Затем широко зевнул и лениво почесал голую грудь.

– Чем могу быть полезен? – холодно спросил он через сетку.

Кэт остолбенела. Неужели Мелия дала ей неверный адрес? Или Шерри назвала не тот номер дома или ошиблась со временем встречи?

Если это мистер Уолтерс, то явно не ожидал гостей. Было видно, что он только что встал с постели. А миссис Уолтерс? Она тоже была в постели вместе с ним? Если это так, неужели она их потревожила?

Всего лишь сон, надеялась Кэт.

– Э-э-э... я Кэт Делани.

Мужчина несколько секунд смотрел на нее сквозь сетку, затем резко распахнул дверь и, сощурив глаза, вновь окинул подозрительным взглядом.

– И что дальше?

Обычно люди моментально реагировали на ее имя. Продавцы в магазинах, поняв, кто на кассе протягивает им кредитную карточку, обычно теряли дар речи или, наоборот, становились излишне словоохотливыми.

Метрдотели в ресторанах начинали заикаться, подводя ее к лучшему столику. Стоило ей появиться на улице, как она тотчас ловила на себя любопытные взгляды прохожих.

Мистер Уолтерс не моргнул даже глазом. Похоже, для него ее имя было пустым звуком.

– Вообще-то я приехала к вам вместо мисс Паркс. Вы помните Шерри Паркс? Она не смогла этим утром приехать к вам, и поэтому я...

– Фу! – неожиданно крикнул босоногий мужчина, хлопнув себя по бедру.

Кэт вздрогнула, но тут же поняла, что он обращался не к ней, а к псу, чей длинный розовый язык снова лизнул ей руку.

– Место, Бандит! – сердито приказал он.

Кэт сочувственно посмотрела на пса, который послушно улегся на крыльцо и, положив голову на передние лапы, скорбно посмотрел на нее.

Взгляд Кэт переместился на хозяина дома. Придерживая дверь, он поднял руку, отчего ей стала видна его подмышка. Кэт заметила, как по его боку вниз, к поясу незастегнутых джинсов, стекает одинокая капелька пота.

Кэт судорожно сплотнула застрявший в горле комок.

– Похоже, произошла ошибка.

– Хочу выпить кофе, – неожиданно сообщил мужчина. – Входите.

С этими словами он развернулся и зашагал по коридору. Кэт успела придержать дверь, прежде чем та захлопнулась у нее перед носом. Секунду помешкав, она все же переступила порог. Похоже, хозяин не собирался развлекать гостью. Его супруге еще предстояло, так сказать, выйти на сцену.

Впрочем, не в привычках Кэт было отступать перед трудностями. Тем более после того, как она потратила целый час своего драгоценного времени, чтобы добраться сюда. Если она сейчас уедет ни с чем, то день, можно сказать, пойдет псу под хвост. Кроме того, Шерри ждет от нее отчета о встрече с Уолтерсами. В общем, она никак не может уехать отсюда с пустыми руками.

Вопиющая неучтивость мистера Уолтерса задела Кэт за живое, однако любопытство взяло верх. Перед поездкой сюда она ознакомилась с заявлением потенциальных усыновителей, и эти люди ей понравились. Оба окончили колледж. Обоим по сорок с небольшим. Пятнадцать лет бездетного брака.

Миссис Уолтерс решила оставить работу в библиотеке и всецело посвятить себя воспитанию приемного ребенка. Ее уход с работы вряд ли негативно скажется на финансовом положении семьи. Ее муж успешный предприниматель, занимается поставками цемента.

В глазах Кэт Уолтерсы были идеальными родителями для любого из героев ее телепередачи. Если они решились на такой важный шаг, как усыновление, и даже написали заявление, то почему не приготовились к собеседованию? Этот вопрос не давал ей покоя. И она непременно его найдет.

Любопытство сгубило кошку, вспомнила она старую поговорку. Кстати, отличный заголовок для статьи, если она не выберется из этого дома живой, кисло подумала Кэт.

Арка, в которой исчез мистер Уолтерс, вела в просторную гостиную. В широкие окна в комнату лился солнечный свет, а также открывался потрясающий вид на окружающие холмы. Уютная, удобная мебель. В общем, прелесть, а не комната, если бы не царивший в ней беспорядок.

С подлокотника дивана свисала мужская рубашка. Посреди комнаты стояли ковбойские сапоги, рядом валялись носки. Телевизор работал, но звук был вырублен, что избавило Кэт от необходимости слушать дурацкие звуки мультфильма, в котором один персонаж бегал за другим и бил его теннисной ракеткой по голове.

Повсюду были раскиданы газеты. В углу дивана лежала подушка с вмятиной. Последняя явно была оставлена человеческой головой. На кофейном столике две пустые банки из-под газировки, смятый пакет с жареной картошкой и нечто похожее на остатки бутерброда с колбасой.

Кэт осталась стоять у порога гостиной, неприятно удивленная представшей перед ней картиной. За барной стойкой, делившей комнату на гостиную и кухню, хозяин вынимал из шкафчика чашки. Достав, он сдул с них пыль.

– Скажите, а миссис Уолтерс дома?

– Нет.

– А когда будет?

– Не могу вам сказать. Наверно, через несколько дней. Кофе готов. Я ставил таймер кофеварки на семь. Вообще-то семь часов уже давно прошли, но, думаю, чем крепче, тем лучше, верно? Что будете, сливки или сахар?

– Вообще-то я не...

– Черт, забудьте про сливки! – Хозяин дома достал из холодильника картонный пакет. Даже с расстояния Кэт почувствовала кислый запах. – Где-то там должна быть сахарница, – пробормотал мистер Уолтерс, продолжив поиски. – Кажется, я видел ее пару дней назад.

– Мне не нужен сахар.

– Отлично, потому что я нигде ее не вижу.

Кэт ничуть не удивилась. В кухне царил даже больший хаос, чем в гостиной. Раковина до отказа забита грязной посудой. Та посуда, что не поместилась, высилась рядом. На плите горы грязных сковородок и кастрюль. Обеденный стол заставлен немытыми тарелками и завален ворохом нераспечатанных писем, газет, журналов, стопками бумаг. Картину вселенского хаоса на столе венчала пустая, вся в жирных пятнах, картонка из-под полуфабриката мексиканского блюда. На полу лужица чего-то желтого и липкого.

Снаружи дом был как картинка, аккуратный и ухоженный. Увы, как известно, внешность обманчива. В доме явно обитали редкостные неряхи.

– Вот и кофе, – сообщил хозяин, подтолкнув Кэт чашку. Чашка едва не опрокинулась, часть кофе выплеснулась на пол, но он не обратил на это внимания, так как уже отхлебывал из своей чашки.

Сделав несколько глотков, Уолтерс удовлетворенно вздохнул.

– Уже лучше. Так что вы продаете?

Кэт издала нервный смешок.

– Вообще-то ничего. Шерри Паркс была уверена, что у нее на сегодня назначена с вами встреча.

– Э-э-э... Как вы сказали вас зовут?

– Кэт Делани.

– Кэт... – Хозяин дома прищурился и смерил ее пристальным взглядом с головы до ног и еще раз – в обратном порядке.

– Черт меня подери! Да ведь вы та самая королева «мыльных опер», угадал?

– Можно сказать и так, – холодно ответила Кэт. – Я здесь вместо мисс Паркс, которая обещала приехать к вам сегодня в одиннадцать часов утра.

– Приехать? Сегодня утром?

Уолтерс мотнул головой, стряхивая остатки сна.

Кэт махнула рукой – мол, успокойтесь.

– Ничего страшного. Произошло какое-то недоразумение. Все в порядке. – Она обвела критическим взглядом кухню и добавила: – Мне очень жаль, но я думаю, что вы нам не подходите.

Мистер Уолтерс едва не поперхнулся.

– Для чего не подхожу?

Нет, он или круглый дурак или, наоборот, слишком умный. То ли разыгрывает он ее, то ли искренне не понимает, что привело ее в его дом.

Похоже, миссис Уолтерс написала заявление и, не поставив мужа в известность, договорилась о встрече, надеясь тем самым склонить его к усыновлению. Такое иногда случается. Один из супругов, чаще всего жена, хочет усыновить ребенка, в то время как муж – против. Мужчины часто принимают эту идею в штыки.

Похоже, это именно такой случай. Ей же совершенно не хотелось ввязываться в семейные дразги.

– Скажите, вы обсуждали с миссис Уолтерс все аспекты этого дела?

Уолтерс отошел, чтобы налить себе еще одну чашку кофе, и потому спросил ее через плечо:

– Какие аспекты? Чего именно?

– Усыновления, – еле сдерживаясь, ответила Кэт.

Он смерил ее пристальным взглядом, затем нагнул голову, закрыл глаза и ущипнул себя за переносицу.

– Черт, неужели я еще не проснулся? – пробормотал Уолтерс. Затем поднял голову и снова посмотрел на нее. – Вы приехали поговорить об усыновлении?

– Именно. А вы что подумали?

– Не знаю, – раздраженно ответил Уолтерс. – Вдруг вы продаете герлскаутское печенье³.

– Нет. Его я не продаю.

– Тогда, что?.. – Уолтерс не договорил и с громким стуком поставил чашку на стол. Похоже, до него наконец дошло. – Черт! Какой сегодня день?

– Понедельник.

Хозяин дома бросил взгляд на календарь, висевший рядом с холодильником, затем подошел ближе и хлопнул по нему ладонью.

– Черт! – повторил он. После чего вернулся на место, пригладил темные вихры и соорудил несчастную гримасу.

– Я должен был позвонить вам – или мисс Паркс – еще в пятницу и отменить встречу. Это целиком моя вина. Забыл посмотреть на календарь, как мне было велено. Ох, и распахнется же она! – пробормотал, обращаясь к самому себе. – Послушайте, извините меня. Я должен был избавить вас от долгой поездки. Встречу придется перенести на другой день.

– Думаю, в этом нет необходимости, – решительно заявила Кэт. – Скажите своей жене, что...

– Моей жене?

– Вы хотите сказать, что не женаты?

– Да, именно так.

– Но ведь ее зовут миссис Уолтерс?

– Конечно. – Его губы неожиданно растянулись в улыбке. – Ирен Уолтерс замужем за Чарли Уолтерсом. Они посмеются, да что там, просто обалдеют, когда узнают, что вы приняли меня за Чарли. – Заметив ее недоуменный взгляд, он поспешил пояснить: – Я в некотором смысле стерегу их дом. На прошлой неделе им неожиданно позвонили родственники Чарли из Джорджии. Кто-то там заболел, и они срочно уехали. Мне же нужно было спокойное место для работы, так как в моей квартире сейчас ремонт. В общем, мы заключили обоюдовыгодный договор.

– Они пустили вас в свой дом, чтобы вы за ним присматривали в их отсутствие? – спросила Кэт и снова покосилась на забитую грязной посудой раковину.

³ Герлскаутское печенье – печенье, производимое специально по заказу организации «Герлскауты США», чаще всего продается на благотворительных акциях. – Прим. пер.

Он перехватил ее взгляд. В следующий миг на его лице появилось растерянное выражение, как будто он в первый раз увидел царивший в кухне беспорядок.

– Пожалуй, к их возвращению нужно все привести в божеский вид. Позавчера приходила женщина, которая здесь у них обычно убирает, но я выставил ее за дверь. Я пытался написать хотя бы строчку, она же, как назло, гудела пылесосом, чем вывела меня из себя. Я даже рыкнул на нее. Ее тотчас как ветром сдуло. Боюсь, Ирен придется подольститься к ней. А меня она точно прибьет, – виноватым тоном добавил он.

– Вы писали?

Он снова посмотрел на Кэт.

– Не понял?

– Вы сказали, что пытались писать.

Он обошел ее и, шагнув к книжному шкафу, взял с полки какую-то книгу и сунул ее Кэт в руки.

– Алекс Пирс.

Прочитав название, Кэт перевернула книгу и посмотрела на фото на задней обложке. Мужчина на снимке был ухожен и полностью одет. Но глаза были те же – серые и пронзительные. Одну бровь пересекал вертикальный шрам. Симпатичные лучики морщинок возле глаз. Прямой нос. Неулыбчивый, но чувственный рот. Волевой подбородок. Лицо мужественное, решительное и... красивое.

Кэт опустила голову. Ей было проще смотреть в глаза его фотографии, чем ему самому. Внезапно ее как будто обдало теплой волной. Она смущенно откашлялась.

– Я слышала о вас, но не узнала.

– Я специально привел себя в порядок. Так потребовал мой литагент Арни.

– И сколько книг вы опубликовали, мистер Пирс?

– Две. В следующем году должна выйти третья.

– Криминальные романы, верно? Что-то в этом роде.

– Да. Что-то в этом роде.

– Извините, но я их не читала.

– Вы бы их не оценили.

Кэт сердито вскинула голову.

– Почему?

– Вы явно не моя читательница, – ответил Пирс, пожимая плечами. – Мои книги о бандитах и пистолетах. Кровища и мозги. Убийства и насилие. Вот о чем я пишу. Не очень приятное чтение.

– Зато какие аллитерации.

Пирс вопросительно выгнул бровь.

– С чего вы взяли, что мне не понравились бы ваши книги? – спросила Кэт.

Смерив ее нагловатым взглядом, он протянул руку и потрогал прядь ее волос.

– Потому что рыжеволосые женщины в них всем дают.

От этих слов внутри что-то встрепенулась, чему Кэт совсем не была рада, хотя он явно рассчитывал именно на такую реакцию. Она решительно оттолкнула его руку.

– И еще они жутко вспыльчивы, – добавила она с нахальной улыбкой.

Кэт сунула книгу ему в руку.

– Вы правы, я вряд ли бы оценила то, что вы пишете, – сказала она, с трудом сдерживая ярость. Не хотелось бы соответствовать его описанию. – Когда вы ждете мистера и миссис Уолтерс назад?

Пирс положил книгу на стол и сделал глоток кофе.

– Они обещали позвонить перед отъездом из Джорджии. Так что сказать что-то определенное я не могу.

– Попросите их, когда они вернутся, связаться с мисс Паркс. Она назначит им новую дату.

– Ирен и Чарли – прекрасные люди. Лучших приемных родителей вам не сыскать.

– Это решать судье.

– Но ваше слово сыграет свою роль? Что-то подсказывает мне, что вы способны повлиять на мисс Паркс и прочих представителей власти. Или они не ценят ваше мнение?

– Что вы имеете в виду, мистер Пирс?

– То, что не стоит отказывать Ирен и Чарли в праве на усыновление из-за нескольких грязных тарелок, которые вы тут заметили. Не выносите из-за меня суровых суждений в их адрес.

– Мне не нравится ваш намек. Я приехала сюда не для того, чтобы выносить суждения.

– Так я вам и поверил. Вы же сами сказали, что я не подхожу вам.

– Верно, не подходите.

– Теперь сами поняли? Вы высоко ставите ваши собственные суждения и привыкли демонстрировать свою значимость. Иначе с чего бы это королеву «мыльных опер» занесло в Сан-Антонио?

У Кэт уже все клокотало внутри. Увы, она опасалась, что в их словесной перепалке ее ждет поражение.

– До свидания, мистер Пирс, – попрощалась она. Алекс Пирс проводил ее до двери. Выходя на веранду, Кэт спиной чувствовала его взгляд. – До свидания, Бандит.

Пес поднялся на все четыре лапы и, когда Кэт проходила мимо, заскулил. Наверно, тосковал по хозяевам, которые уехали, оставив его на попечение этого наглого фанфарона.

Черт, снова аллитерация, подумала Кэт.

Алекс Пирс действовал на нее, как красная тряпка на быка. Он раздражал ее, действовал ей на нервы, он оскорбил ее. И все же она больше злилась на себя, чем на него.

Почему она позволила ему взять над ней верх? Почему вместо того, чтобы смутиться из-за своей ошибки, она не обратила ее в шутку? Почему не расхохоталась? Юмор всегда был ее лучшим оружием в неловких ситуациях.

Увы, на сей раз кладезь ее шуток иссяк. Она краснела и заикалась как нервная школьница, а от ее гордости, ее самооценки остались лишь жалкие клочья. Боже, где это видано, чтобы она злилась из-за какого-то писателишки, автора низкопробных полицейских романов, который живет в настоящем свинарнике и как водопроводную воду хлещет горячий черный кофе?

Что раздражало еще больше, так это, что, даже встав с постели, этот нахал был чертовски хорош собой.

Объект ее возмущения тем временем вышел на веранду и сел на качели. Те громко скрипнули под его весом. Четвероногий Бандит, явно обрадованный молчаливому приглашению, запрыгнул на сиденье и положил ему на колени морду.

Кэт отъехала от дома. Перед глазами у нее стоял Алекс Пирс. Вернее, сидел на качелях. Держа в одной руке кофейную чашку, другой он почесывал Бандита за ухом.

Глава 16

– Ну и вид у вас обоих!

Это Кэт и Джеффа приветствовала Мелия. Сама она была свежа как экзотический цветок в холодильнике цветочного магазина.

– Мы только что из парной бани под названием парк Брекенридж, – ответила Кэт, снимая с плеча тяжелую сумку. – Там не было даже дуновения ветерка. В следующий раз напомните мне, что в Сан-Антонио летом лучше не носить одежду из шелка.

Она попробовала отлепить ткань от влажной кожи.

– Хорошо, напомню.

– Мы сняли классный сюжет о Тони, – сообщил Мелии Джефф, опускаясь в кресло. – Он нисколько не робел перед видеокамерой.

Мелия вручила Кэт записки о поступивших телефонных звонках.

– Шерри Паркс хочет немедленно поговорить с вами. Она считает, что судья готов дать согласие на усыновление Дэнни.

– Великолепно! – воскликнула Кэт. Усталость как будто рукой сняло. – Соедините меня с ней.

Взяв сумку, она отправилась к себе в кабинет. Здесь она сбросила с ног туфли и села за стол. Затем по привычке посмотрела на часы и выдвинула нижний ящик стола.

Неожиданно зазвонил телефон. Кэт нажала кнопку громкой связи.

– Да, Мелия?

– Мисс Паркс на первой линии.

В ящике стола было пусто.

– Соединить вас?

В ящике было пусто.

– Кэт? Вы меня слышите?

– Да, но мои... Мелия, где мои лекарства?

– Что?

– Мои пилюли. Мои лекарства. Где они?

– Разве они не в ящике вашего стола? Разве вы их не там храните? – удивленно спросила Мелия.

– Конечно, но их там нет.

Кэт резко задвинула ящик. Затем рывком снова выдвинула, как будто пустота в нем была лишь обманом зрения.

Увы, ящик был действительно пуст. Лежавшие в нем лекарства бесследно исчезли.

В дверях возникла Мелия.

– Я сказала мисс Паркс, что вы вернулись. Что случилось?

– То, что я сказала! – Поняв, что сорвалась на крик, Кэт заговорила спокойнее. – Пропали мои лекарства. Я храню их в нижнем ящике стола. Всегда. Но теперь их там нет. Их кто-то взял.

– Кому могут понадобиться ваши пилюли?

Кэт едва не испепелила ее взглядом:

– Вот это я и хотела бы знать.

– Что случилось? – это в кабинет вошел Джефф.

– Кто-то взял лекарства из нижнего ящика моего стола.

– Что?

– Вы что, оглохли оба? – не удержалась и крикнула Кэт. – Мне повторить еще раз? Кто-то зашел в мой кабинет и украл мои лекарства!

Кэт понимала, что ведет себя неразумно, но лекарства были важнее.

Джефф обошел стол вокруг и заглянул в пустой ящик.

– Кто мог украсть ваши лекарства?

Кэт запустила руку себе в волосы.

– Я уже задала ей этот вопрос, – шепнула ему Мелия. – Это ее страшно разозлило.

– Может, вы переложили их в другое место? – предположил Джефф.

Эта робкая попытка помочь ей разъярила Кэт еще больше.

– Можно переложить упаковку аспирина и через пару месяцев найти ее в кармане пальто. Но потерять сразу четырнадцать пузырьков с пилюлями!

– Может, вчера вечером вы их забрали домой?

– С какой стати! – снова сорвалась на крик Кэт. – У меня два запаса лекарств. Один дома. Другой на работе. Здесь я принимаю очередную дозу. Иногда и вечернюю, если работаю допоздна.

В трех пузырьках из четырнадцати были жизненно важные пилюли, препятствующие отторжению тканей. Другие тринадцать предупреждали нежелательные побочные эффекты. Кэт с религиозным рвением соблюдала график приема – три дозы в день.

– Если бы я вчера вечером увезла домой четырнадцать пузырьков с лекарствами, – чего не было, – я бы об этом помнила, – решительно заявила Кэт. – Кто-то залез в ящик моего стола. Кто-то забрал их. Кто был здесь утром?

– Я и мистер Вебстер, – пролепетала Мелия. – Он принес видеокассету, ту самую, которую вы хотели посмотреть. – Она указала на лежащую на столе кассету. – Во всяком случае, кроме него я никого больше не видела.

– Ты отлучалась куда-нибудь в течение дня? – спросил Джефф.

Мелии не понравился его вопрос.

– Ты думал, я стану писать под себя? – обиженно ответила она. – Да, я пару раз выходила в туалет, потом пошла на ланч. С каких пор это считается преступлением?

Кэт было неприятно подозревать Мелию в том, что та могла сыграть с ней эту злую шутку. Она уже было собралась бросить обвинение ей в лицо, но передумала. Какой от этого толк? Если Мелия виновата, то наверняка станет все отрицать. Если же нет, это лишь усилит их взаимную неприязнь.

Что еще хуже, попади лекарство не в те руки, оно может превратиться в яд.

– Мелия, немедленно соедините меня с доктором Салливаном. – Это был местный кардиолог, которого ей порекомендовал Дин. – Если он не ответит, узнайте, где он. Мне неважно, где именно, главное, найдите его. Непременно. Попросите его позвонить в аптеку, пусть мне как можно быстрее пришлют лекарство.

Мелия развернулась и молча вышла из кабинета.

– Я мог бы отвезти вас за лекарством домой, – предложил Джефф.

– Спасибо, но домой я могу съездить и сама.

– Вы слишком расстроены, чтобы самой вести машину.

Увы, ее помощник прав. Она действительно расстроена. Лекарства ей, конечно, привезут. В столе хранился отнюдь не последний запас нужных ей препаратов.

Куда больше ее потрясло то, что злоумышленник украл нечто такое, что было для нее дороже драгоценностей, мехов или денег. Ведь от этих лекарств зависела ее жизнь.

– Спасибо, Джефф, – поблагодарила его Кэт, стараясь держать в узде раздражение. – Но как только доктор Салливан позвонит в аптеку, мне тотчас же доставят лекарства.

С этими словами она вышла из кабинета.

– Куда вы? – Джефф испуганно бросился ей вдогонку.

– Я жду, когда мне ответит доктор Салливан, – сообщила Мелия, когда Кэт проходила мимо ее стола. – У него сейчас пациент, но его помощница пообещала, что вызовет его к вам.

– Спасибо.

Кэт повернулась к Джеффу. Тот ни на шаг не отставал от нее.

– Если какой-то сукин сын считает, что это смешно, то я сейчас ему объясню, что это не так. Сию же минуту.

Отдел новостей был раем для шутников. Его сотрудники вечно соревновались друг с другом, чья шутка окажется самой удачной или самой скверной – в зависимости от индивидуальной точки зрения.

Розыгрыши были самые разные и варьировались от искусственной лужицы рвоты из магазина приколов, положенной в общий холодильник, и до сообщения об убийстве президента США в мужском туалете автозаправки «Тексако» на 35-м шоссе.

Кэт подошла к столу редактора отдела информации. Это был седой, не первой молодости курильщик со стажем. У него была эмфизема, и он вечно ворчал по поводу того, что в отделе запретили курить. Друзей у него не было, что неудивительно. Достаточно было посмотреть на брезгливо-недовольное выражение, не сходившее с его лица. Зато у него имелся редкий нюх на новости, что снискало ему всеобщее уважение. Когда он говорил «прыгни», даже самые заносчивые репортеры послушно спрашивали, на какую высоту.

Когда Кэт нажала на кнопку громкой связи на его телефоне, с ним едва не случился удар.

– Привет, парни! – прогреготал ее голос через динамики по всей огромной комнате, словно пчелиные соты разделенной перегородками на индивидуальные кабинки рабочих мест. – Привет всем! – тут же поправилась она, вспомнив, что техасцы терпеть не могут обращения «парни». – Хочу сказать тому больному на голову шутнику, который решил, что это смешно – забрать мои лекарства, что это никакой не прикол.

– О чем вы, черт побери? – спросил редактор отдела информации, свистя, как фисгармония.

Кэт пропустила его вопрос мимо ушей.

– Когда мои гигиенические прокладки кто-то пустил для звукоизоляции столовой – это было смешно. Или когда на плакате с моим изображением какой-то шутник пририсовал мне усы и третью грудь, над этим тоже можно было посмеяться. Но лекарства – это не шутка. Я не жду, что злоумышленник тут же признается. Но больше не надо так делать. Вы меня поняли?

– Отойдите от этой штуки! – рявкнул на нее редактор отдела информации и снова завладел телефоном, которым раньше никто, кроме него, не смел пользоваться. – Какая муха вас укусила?

– Кто-то взял мои пилюли.

Сотрудники отдела новостей вышли из своих клетушек и с любопытством смотрели на Кэт. К ней подошел режиссер информационных программ.

– Что тут у вас происходит?

Кэт повторила свои слова.

– Я уверена, что тот, кто зашел в мой кабинет и забрал из ящика стола мои лекарства, не желал мне зла. Но этот поступок – глупый и опасный.

– Почему вы решили, что это кто-то из сотрудников нашего отдела? – спросил режиссер.

– Я этого не утверждаю, – призналась Кэт. – Но зайти ко мне в кабинет, не привлекая к себе внимания, проще всего тому, кто работает на этом этаже. Не секрет, что ваши работники обожают приколы. Причем, чем глупее шутка, тем больше над ней смеются. Но с лекарствами шутить не стоит.

– Я уверен, мисс Делани, что все в нашем отделе это знают.

Его вера в непогрешимость подчиненных заставила Кэт пересмотреть свою первую реакцию. Да, похоже, она поторопилась с обвинениями.

– Извините меня, – сказала она, сгорая от стыда. – Если вы что-то узнаете, сообщите, пожалуйста, мне.

С этими словами она торопливо вернулась в свой кабинет.

– Лекарство уже в пути, – сообщила Мелия. На ее лице по-прежнему читалась обида. – Будет здесь минут через двадцать. Это вас устроит?

– Устроит. Спасибо. Через минуту соедините меня с Шерри. Джефф, пожалуйста, принесите мне досье Дэнни.

Ей срочно требовалось побыть одной – успокоиться, взять себя в руки, Кэт закрыла дверь, отделявшую ее кабинет от остального отдела. Здесь она прислонилась спиной к двери и сделала несколько глубоких вдохов. Она чувствовала, что вся покрылась липким потом. Шелковая блузка прилипла к влажной коже даже сильнее, чем когда она только-только вернулась в студию из парка Брекенридж. Колени предательски дрожали.

Три года она пыталась убедить себя в том, что ничем не отличается от обычных людей, что в ней нет ничего особенного. Увы, это не так. В ее груди бьется чужое сердце.

Выходит, она все-таки особенная. Хочет она того или нет, но ее жизнь не такая, как у остальных людей. И так будет дальше каждый день.

Сегодняшний кризис был недолгим и не создал реальной угрозы для ее жизни. И все же он грубо напомнил ей, насколько хрупкое у нее здоровье.

Глава 17

Кэт впервые лицезрела знаменитый гнев Билла Вебстера. По словам ее коллег, босс редко выходил из себя, но если такое происходило, от громовых раскатов его голоса сотрясалась вся телестудия. Этим утром гнев хозяина телеканала обрушился на нее.

– Их возмущению не было предела, Кэт!

– Они имели на это право, – тихо ответила она.

– Они сочли, что им нарочно неправильно описали эту маленькую девочку.

– Неправильно – согласна. Но только не нарочно.

Вебстер шумно выдохнул. Он заметно успокоился, хотя лицо его все еще пылало.

– «Дети Кэт» – наш вклад в общественное благо. Программа имеет на своем счету немало заслуг. Она – одна из граней образа нашей телекомпании, причем весьма значимая.

– Но в то же время она может стать нашей ахиллесовой пятой, – сказала Кэт, пытаясь уловить ход мыслей Вебстера.

– Именно. Я был и остаюсь убежденным сторонником этой передачи. Я не хочу, чтобы ты подумала, будто я струсил. К сожалению, передача чревата судебными исками. На нас может подать в суд кто угодно – власти штата, кандидаты в приемные родители и родители биологические – любой, кто имеет на нас зуб – как обоснованно, так и надуманно. В некотором смысле мы стоим на середине дороги, полной машин.

– Где нас может сбить грузовик, который едет с любой стороны.

Вебстер коротко кивнул.

– Выпуская программу в эфир, мы понимали все возможные риски. Как руководитель телеканала я по-прежнему готов рисковать, ибо польза от передачи перевешивает любой негатив. Тем не менее мы обязаны действовать осмотрительно, чтобы в будущем исключить подобные случаи.

Кэт задумчиво потерла лоб. Вчера супруги по фамилии О'Коннор позвонили Шерри Паркс с требованием аннулировать усыновление. Их приемный ребенок, девочка, взятая после показа очередного сюжета «Детей Кэт», якобы оказывала приемному отцу знаки внимания сексуального характера.

– Они утверждают, что мы намеренно скрыли сексуальную озабоченность девочки, чтобы ускорить процесс передачи ее в семью.

– Но, Билл, это абсолютно не так. Ее несколько раз обследовали психологи. Она скрыла свою раннюю сексуальность от врачей и социальных работников и от нас тоже. Короче, от всех, кто имел с ней дело.

– Не понимаю, как такое могло остаться незамеченным.

– Ей семь лет! – не смогла удержаться от крика Кэт. – У нее косички и ямочки на щеках, а не сатанинские копыта и раздвоенный хвост. Кто мог ожидать нечто подобное? Ее растлили еще в колыбели. Отчим научил ее сексуально ублажать его. Он научил ее, как...

– О боже! – побледнел Билл Вебстер. – Избавьте меня от подробностей.

– Их обязаны слышать все, – решительно заявила Кэт. – Если бы люди не закрывали глаза на такие вещи, те бы не получили распространения в нашем обществе.

– Согласен. Продолжайте.

– Учитывая ее прошлое, психологи с самого начала удивлялись тому, как она вообще выросла нормальной. Теперь же мы знаем, что это не так. Она использует свою сексуальность, чтобы манипулировать окружающими людьми, особенно мужчинами, кто бы они ни были.

Вы абсолютно правы, Билл. Невозможно представить себе ребенка с невинной внешностью, который на деле являет собой роковую женщину. Но невозможно представить и то, что ее такой сделало.

– Однако мы не можем винить О’Конноров в том, что они отказываются от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.